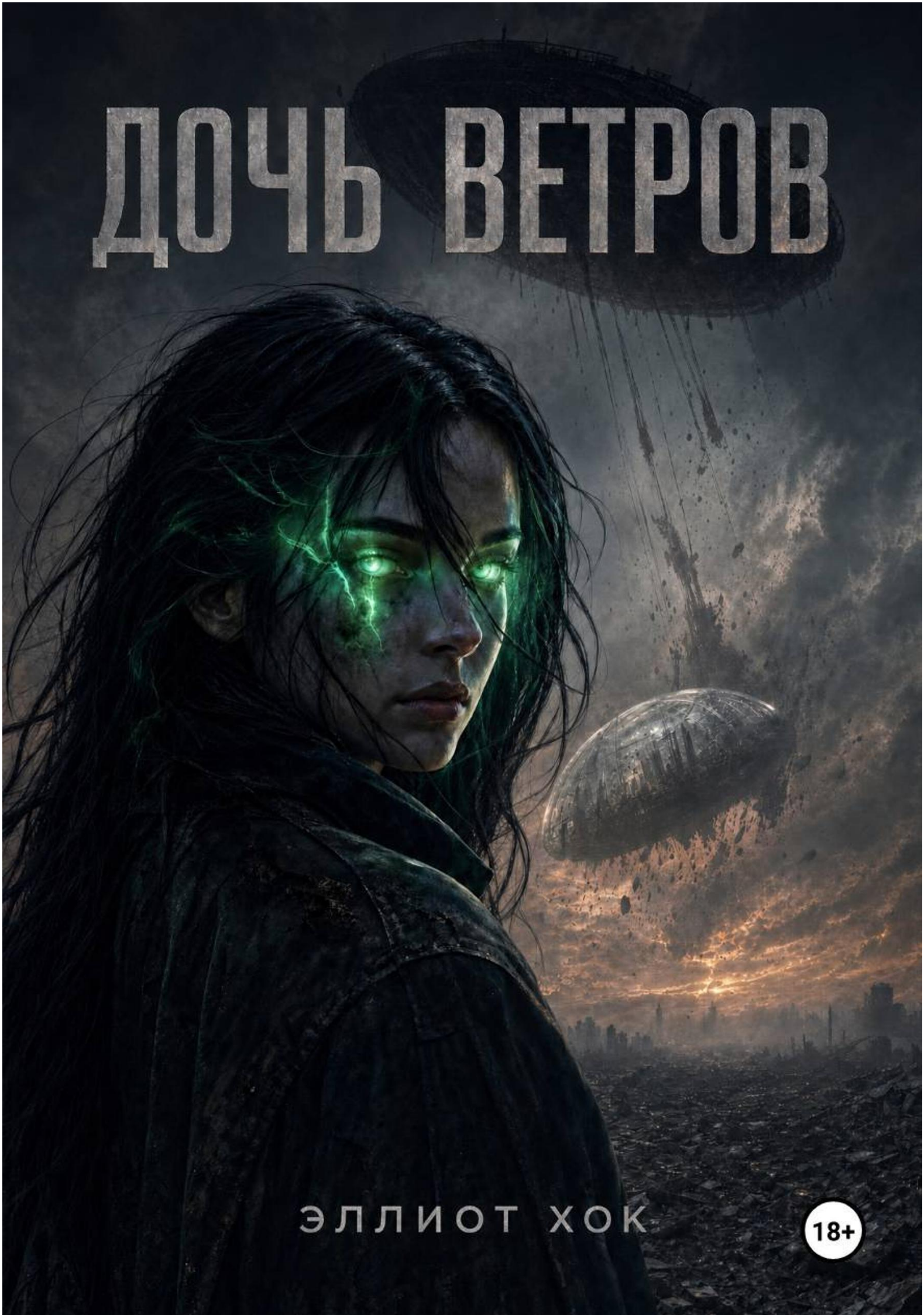

ДОЧЬ ВЕТРОВ
ЭЛЛИОТ ХОК
18+

Эллиот Хок

Дочь ветров

«Автор»
2026

Хок Э.

Дочь ветров / Э. Хок — «Автор», 2026

Две сестры. Один отбор. Одна невеста неба — и одна война. Каждые полгода гарпии спускаются с Ураганных гор и забирают молодых девушек. Так платит земля за величие неба. Так было всегда — и никто не задаёт вопроса «почему». В этом году под отбор попадают сёстры Лилит и Эйра. Одну увозят в горы — в мир, где девушек превращают в «живых богинь» Глейс, и где за красивыми ритуалами прячется конвейер. Другая остаётся на земле — и поднимает восстание против Империи, питающейся чужими душами. Их разлучили. Но связь между ними сильнее расстояния, сильнее ошейников и сильнее самой Империи. Лилит идёт к правде сквозь ложь и унижение. Эйра, её сестра, учится убивать, чтобы выжить, — и оставаться человеком, чтобы иметь право на месть.«Дочь ветров» — тёмная научная фантастика о цене свободы, сестринской любви и о том, как система превращает людей в ресурс. Для читателей, которым близки «Рассказ служанки» и «Голодные игры», но с крыльями, летающими городами и моралью, у которой нет простых ответов.

© Хок Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ДВОЕ НА ДОРОГЕ 5
ГЛАВА 2. УРАГАННЫЕ ГОРЫ 11
ГЛАВА 3. БЕЛЫЙ СКВЕР 16
ГЛАВА 4. БОЙНЯ 20
ГЛАВА 5. ПОСЛЕ КАРАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ 27
ГЛАВА 6. В ПЛЕНУ 30
ГЛАВА 7. РЕМЕСЛО ГАРПИЙ 34
ГЛАВА 8. ДОКЛАД 38
ГЛАВА 9. ЖАРЕНОЕ МЯСО 42
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Эллиот Хок
Дочь ветров

ГЛАВА 1. ДВОЕ НА ДОРОГЕ

Утро в Триречье пахло мокрой травой и дымом. Солнце только встало над вечнозелёными равнинами, и туман ещё лежал в низинах — густой и белёсый, похожий на разлитое молоко. Небо стояло чистое, без единого облака. Деревня просыпалась неторопливо, как всегда: скрипели ставни, гремели вёдра у колодца. Со стороны выгона доносился низкий, ритмичный гул — там старый пастушеский дроид, модель «Аргус-3», гнал скотину на пастбище. Его сервоприводы поскрипывали при каждом шаге, а единственный оптический сенсор, мутный от царапин, вяло вращался из стороны в сторону. Дроиду исполнилось лет тридцать, не меньше. Половина защитных пластин отсутствовала, обнажая пучки проводов и потускневшие шестерни, но он пока ещё работал. В Триречье всё работало дольше положенного срока — потому что нового взять было неоткуда.

За околицей, насколько хватало глаз, тянулись поля — гладкие, ухоженные, поделённые межами. В отдалении, вдоль грядок, уже полз наземный робот-опрыскиватель — неуклюжая машина на шести суставчатых ногах, с баком для удобрений на горбатой спине. Он двигался тягуче, переставляя ноги с приглушённым жужжанием моторов. Один из суставов подклинивало, и робот слегка припадал на правую сторону, но продолжал работать. А за полями, далеко-далеко, вставали Ураганные горы.

Их вершины тонули в облаках. Даже в ясные дни облака не уходили оттуда: они клубились, темнели, прорезались вспышками молний. Там, в вырубленных в скалах пещерах-ангарах, жили гарпии — крылатые господа, которым Триречье служило с незапамятных времён. Служба эта не слыла ни радостью, ни бременем, но порядком вещей. Гарпии забирали девушек дважды в год, и это принималось как данность, такая же, как смена сезонов или восход солнца. Забирали тех, кому исполнилось восемнадцать. Об этом не спорили. С молоком матери здесь впитывали простую истину: господа с гор защищают долину, а долина платит за это лучшими дочерьми. Так было всегда. Так будет всегда. И никто в Триречье не задавал вопроса «почему?».

Лилит проснулась первой и теперь лежала на узкой кровати у стены, глядя в потолок. По деревянным балкам полз солнечный луч — косой, золотистый, с пылинками внутри. На прикроватной тумбе вполголоса гудел маленький круглый проектор с треснувшим корпусом. Он показывал время и температуру: 6:47, 19 градусов. Достался от бабушки. Сбоил каждую неделю, и отец всякий раз возился с ним, вооружившись отвёрткой и тихим ругательством, но время прибор показывать не переставал.

Следя за солнечным лучом, она думала о том, что сегодня не обычный день. Этой весной им обеим исполнилось восемнадцать. В один день. Они родились вместе, но были не похожи друг на друга — так вышло. Обе вошли в этот коридор одновременно и стояли в нём бок о бок, ожидая, кого из них заберут, а кто останется. Потому что сегодня прилетят гарпии.

Повернув голову, Лилит увидела Эйру: та спала, раскинувшись поперёк матраса и сбив одеяло в ноги. Одна рука свесилась к полу, тёмные спутанные волосы закрывали лицо. Спала всегда так, будто боролась с кем-то во сне и победила.

Сегодня одну из них могут забрать. Любую или обеих, если сканер покажет совместимость и так решат крылатые господа. Тогда всё закончится. Вот эта комната с косым лучом на потолке. Вот этот проектор, который сбоит каждую неделю. Вот это окно, из которого видно горы. Всё это останется здесь, а одна из них — или обе — улетит навсегда.

Лилит не боялась за себя — боялась за Эйру и знала: Эйра боится за неё. Вслух об этом не говорили никогда, но знание лежало между ними каждую ночь, как третий человек в постели.

— Эйра, — позвала она.

Эйра не пошевелилась.

— Вставай. Сегодня прилетают.

На этот раз Эйра открыла глаза. Не сразу: сначала моргнула, потом уставилась в потолок. Она тоже всё понимала. Она тоже не спала полночи, хоть и притворялась спящей.

— Знаю, — сказала она тихо. — Я помню.

— Солнце уже.

— Пусть уходит. Я его не звала.

Лилит невесело, одними уголками губ усмехнулась, встала, накинула простое серое платье, как у всех девушек Триречья, и подошла к окну. Рама поддалась со скрипом. В комнату ворвался утренний воздух — влажный, пахнущий травой, землёй и солнцем.

— Может, пронесёт, — сказала Эйра, наконец садясь на кровати. Одеяло сползло с плеч. — Вдруг нас не выберут.

— Может, — согласилась Лилит.

Вряд ли — это обе знали. Сестёр забирали часто: поговаривали, что если гарпиям приглянулась одна, они вернутся и за другой. Почему — никто не знал, но звучало пугающе.

Над трубой соседского дома стелился дым: там топили печь, старую, ещё довоенную, на биомассе. Чуть дальше, у дома старосты, на крыше вяло вращалась миниатюрная ветровая турбина, подкармливая энергоячейку. Ячейка — старая, сеакритская, с половинной ёмкостью, — но даже такая здесь считалась сокровищем.

— Хороший день, — сказала Лилит. — Солнечный.

— Перед отбором всегда солнечно, — отозвалась Эйра. Она потёрла глаза кулаками, совсем как в детстве. — Будто издеваются.

Лилит не ответила, так и стояла у окна, глядя на горы. Тучи над ними клубились, как всегда, но сегодня ей показалось, что они темнее обычного. Или это просто страх.

За дверью послышались шаги матери, а потом и голос:

— Девочки! Завтрак!

— Идём! — крикнула Эйра.

Лилит не двигалась.

— Лилит? — Эйра посмотрела на неё.

— Мы справимся, — сказала Лилит. — Что бы ни случилось сегодня. Мы справимся.

Эйра промолчала, поднялась, подошла к сестре и просто встала рядом. Несколько секунд они стояли так, глядя на горы: две восемнадцатилетние девушки, для которых это ясное утро могло обернуться последним днём вместе.

— Завтрак, — повторила Эйра. — Пойдём. Мама ждёт.

Они вышли из комнаты.

Завтрак тянулся в молчании. Кухню освещала тусклая лампа под потолком: энергоячейка в ней доживала последние дни, и свет то и дело моргал. Мать ворчала, что пора бы заменить, но достать новую было непросто — ячейки привозили из города раз в полгода, и очередь на них расписывали на месяцы вперёд.

Отец сидел во главе стола и смотрел в тарелку. Мать подкладывала хлеб, руки у неё дрожали — едва заметно, но Лилит видела. Младший брат, на три года моложе сестёр, ничего не понимал и весело болтал: они с мальчишками ходили к ручью, а там старый дроид-погонщик застрял в грязи и гудел, пока его не вытолкали.

— Сегодня на площади собрание, — сказал отец наконец. — В полдень. Гарпии не любят, когда кто-то прячется.

— Мы не будем прятаться, — сказала Лилит.

Отец поднял на неё глаза — серые, как у Эйры; у Лилит были материнские, карие. Долго смотрел на старшую дочь, потом перевёл взгляд на младшую. Всё понимал. Его девочки выросли, обе достигли возраста, когда гарпии могли их забрать, и сегодняшний день мог разлучить их навсегда.

— Я знаю, — сказал он. — Вы у меня храбрые. Обе.

И замолчал. Над столом мигнула лампа. С выгона донёсся гул дроида. Слов не осталось.

После завтрака сёстры вышли на дорогу. Эта дорога принадлежала им — старая, утоптанная, она вела от деревни к подножию гор. В детстве сёстры бегали по ней босиком, ловили кузнечиков. Теперь шли молча, плечом к плечу. Солнце припекало, ветер играл волосами — у Эйры тёмными, у Лилит русыми. Со стороны они, наверное, казались отражениями друг друга. Кривое зеркало, в котором одна душа раздвоилась на два тела.

В поле, вдоль грядок, полз тот самый робот-опрыскиватель, которого Лилит видела из окна. Теперь он был ближе, и она разглядела: на правом суставе не хватало защитной пластины, провода висели открыто, подрагивая при каждом шаге. Робот тащился, оставляя за собой влажный след и приглушённо жужжа.

— Ты боишься? — спросила Эйра.

— Нет, — ответила Лилит. — А ты?

— Нет.

Обе знали, что лгут. Возраст подходил им обеим, и та, которую выберут сегодня, если выберут, улетит в горы навсегда. Но эта ложь была необходима: она держала их на ногах.

У поворота, где дорога раздваивалась — одна ветка уходила к полям, другая к горам, — они увидели человека. Он шёл со стороны гор, тяжело опираясь на палку. Одежда простая, дорожная, запылённая, стоптанные сапоги. Плащ выцвел до серого. Лицо узкое, измождённое, с глубокими складками у рта и острыми скулами. Глаза светлые, почти бесцветные. Странным казалось другое — не старость, нет, а особая выделка лет, будто годы выпили из него всё лишнее.

Старик оступился, нога подвернулась на камне, палка вылетела из руки, и он тяжело, боком упал в дорожную пыль. Лилит бросилась к нему первой. Эйра — сразу за ней.

— Вы целы? — Лилит наклонилась и подхватила его под руку. — Давайте помогу.

Старик не ответил. Он попытался встать сам, но тут же поморщился и повис на руке Лилит. Эйра подобрала палку и подала ему. Вдвоём сёстры поставили его на ноги. Он оказался легче, чем выглядел.

— Благодарю, — сказал он. Голос был негромким, с хрипотцой. — Подвернул ногу. Старая история.

— Вы издалека? — спросила Эйра. Она всегда говорила первой.

— Издалека, — ответил старик. Отряхнув плащ, он посмотрел на сестёр — сначала на одну, потом на другую. По лицу пробежала странная тень. Будто он узнал их. Будто видел уже.

Лилит заметила этот взгляд. Ей стало не по себе.

— Может, воды? — предложила она. — У нас есть.

— Не откажусь.

Лилит протянула флягу. Старик взял её обеими руками — осторожно, как берут что-то хрупкое. Сделал несколько глотков, вернул.

— Благодарю, — повторил он.

— Это мелочи, — отмахнулась Эйра. — Не стоит благодарности. Вы до деревни дойдёте? Тут недалеко.

— Дойду. — Старик перевёл взгляд на горизонт. Над Ураганными горами сгущались тучи. Не те, что висели там всегда — серые, клубящиеся, — а другие: тёмные, почти чёрные. Они наползали с востока быстро, неестественно быстро, и в их глубине уже поблёскивали первые молнии.

Заметила это и Лилит. Утро стояло солнечное — откуда взялась гроза?

— Надвигается буря, — сказал старик. Голос его изменился, стал глубже, задумчивее. — Порой и взмах крыла бабочки может породить ураган. Да… Никогда не знаешь, какую бурю ты можешь создать.

Он помолчал, всё так же глядя на горы.

— Кто знает, крылья какого мотылька её спровоцировали.

Эйра переглянулась с Лилит. Старик говорил странно, может, не в себе: в Триречье иногда забредали такие бродяги и странники, слишком долго прожившие под открытым небом и разучившиеся говорить по-человечески. Но Лилит вдруг зазнобило, хотя день ещё не померк.

— Нам пора, — сказала она. — Отбор. В полдень. Вы уверены, что дойдёте?

— Да, конечно. — Старик кивнул. — Идите.

Сёстры двинулись дальше. Лилит обернулась. Старик всё ещё стоял на повороте и смотрел им вслед, а за его спиной тучи затягивали небо. Солнце скрылось за пеленой. Первые капли дождя упали на дорогу — крупные, редкие, оставляющие тёмные пятна на пыли.

— Странный, — сказала Эйра.

— Да, — согласилась Лилит.

— Про бабочку... это к чему?

— Не знаю. Но он смотрел на нас так, будто знал.

— Знал что?

Лилит промолчала: что именно он знал, она не представляла. Но холодок внутри не проходил.

Шаг сам собой стал быстрее. Дорога поднималась в гору. В полях последний раз прогудел дроид-погонщик, загоняя скотину под навес. Старый механизм чуял грозу лучше любого барометра.

У околицы Лилит остановилась и взяла Эйру за руку без слов, как делала тысячу раз в детстве. Эйра не вырывалась.

— Что бы ни случилось сегодня, — сказала Лилит, — ты знай: я с тобой. Даже если не рядом. Даже если далеко. Даже если нас разлучат через несколько часов.

Эйра посмотрела на неё. Серые глаза блестели. Ветра ещё не было, но что-то уже дрожало в воздухе.

— Я знаю, — сказала она. — Я тоже. Всегда.

Они стояли на дороге, держась за руки, а над головами копились тучи. И где-то в небе — пока ещё далеко, но уже различимо — послышался низкий гул. Не дроид, не агромеханизм. Тяжёлый, глубокий звук, от которого вибрировал воздух. Глайдер.

Лилит подняла голову и увидела его: зеркально-серебристый корпус сверкнул в последнем солнечном луче, прежде чем тучи сомкнулись. Глайдер заходил на посадку. Дождя ещё не было. Ветер только начинал подниматься.

— Пора, — сказала Эйра. Голос дрогнул, но совсем чуть-чуть. — Идём.

К площади шли молча. Дождь по-настоящему припустил, только когда они уже подходили к месту сбора. А впереди, над вершинами гор, расправляла крылья первая гарпия.

На площади собралась вся деревня. Девушки стояли в ряд — те, кому исполнилось восемнадцать в этом году. Их было около двадцати. Лилит стояла третьей с краю, Эйра — пятой. Между ними — чужая девушка, которую они знали с детства, но сейчас не могли вспомнить её имя. Всё стало неважным.

Гарпии прибыли на двух глайдерах. Один сел за околицей, там, где поле переходило в пустошь. Второй опустился прямо на площадь, подняв тучу пыли и капель. Выглядел он изящно: зеркально-серебристый корпус с бело-фиолетовой окантовкой, короткие крылья, четыре двигательные гондолы по бокам фюзеляжа. Пахло от него гарью и горячим металлом. Аппарель открылась с негромким шипением гидравлики, и наружу выступили трое — быстро,

без обычной медлительности. Спешили: тучи над горами густели с каждой минутой, и гарпии хотели закончить отбор до того, как гроза обрушится на долину.

Они были высокими, закутанными в многослойные тёмные одежды. Крылья, сложенные за спинами, казались плащами, но когда одна из гарпий развернула их, по толпе пронёсся вздох. Перепонки ловили свет молний и отсвечивали багровым. Размах — метра четыре, не меньше. Эти крылья напоминали оружие. Или произведение искусства. Или проклятие.

Старшая гарпия, женщина с лицом, изрезанным шрамами, быстро обвела взглядом строй девушек. Паузу, как обычно, растягивать она не стала. Страх работал на неё, но времени не было.

— Сканирование и отбор, — бросила она. — Быстрее.

Две другие гарпии двинулись вдоль строя, почти без задержек. В руках у них поблёскивали небольшие серебристые устройства с мерцающими индикаторами и крошечными экранами — сканеры. Как они работают, в Триречье не знал никто; знали лишь, что сканеры определяют совместимость: на экране загоралось длинное девятизначное число. Если гарпий всё устраивало, девушку уводили.

Работали без раздумий. Сканер показывал число, и гарпия, окинув девушку взглядом, либо выводила её из строя, либо шла мимо. Лилит смотрела прямо перед собой: не хотела видеть лица тех, кого уводили, не хотела слышать их имена.

Сканер приближался. Вот он показал число на девушке слева — та всхлипнула, когда её вывели. Вот на девушке справа — та зажмурилась. Следующей была Лилит. Наконец гарпия остановилась напротив Эйры. Лилит задержала дыхание.

Гарпия поднесла сканер. Экран засветился. По телу Эйры пробежал странный холодок. Нахмурившись, крылатая провела устройством ещё раз, потом склонилась к экрану, вглядываясь в цифры.

— Что там? — бросила старшая. Голос её звучал нетерпеливо. Ветер уже рвал тенты над площадью.

Ответа не последовало. Гарпия перевела взгляд на Лилит, поднесла сканер к ней, экран вспыхнул снова — и она замерла.

— Не может быть, я не знаю, кого выбрать, — пробормотала она.

Старшая шагнула ближе, крылья нервно дрогнули. Она выхватила сканер из рук подчинённой и сама провела им над Лилит. Потом над Эйрой. Потом снова над Лилит. Лицо её оставалось непроницаемым, но пальцы сжались на корпусе устройства.

— Одинаковые значения, — сказала она. — У обеих: семь-четыре-один-восемь-три-девять-ноль-два-пять.

Старшая помедлила. Дождь хлестал по крыльям, за горой глухо громыхнуло. Гроза накатывала, и времени на раздумья не оставалось.

— У нас квота — осталось одно место, — напомнила вторая гарпия. — Надо уходить сейчас, или глайдер не поднимется.

— Да знаю я, — отрезала старшая, переведя взгляд с Лилит на Эйру и обратно. Обе подходили, обе показывали одно и то же число. А буря уже была здесь: ветер рвал тенты.

Порыв ветра ударил в толпу. Белую ткань, которую Лилит сжимала в пальцах, вырвало у неё из рук. Платок взметнулся в воздух и полетел вдоль строя, подхваченный грозовым вихрем. Лилит бросилась за ним не думая и пробежала несколько шагов, прежде чем поймала. Ветер трепал волосы, дождь стегал по лицу. Запыхавшаяся, она вернулась в строй, сжимая платок в кулаке.

Старшая посмотрела на неё. До аномалий ли теперь: гроза накрывала площадь, и глайдер не мог ждать. Лилит стояла прямо перед ней, тяжело дыша.

— Эту, — бросила старшая, указав на Лилит. — Забираем и уходим.

Решение было принято в долю секунды. Не потому, что Лилит подходила больше. Не потому, что Эйра осталась в строю. А потому, что надо было выбрать хоть кого-то, и Лилит, бежавшая за платком, оказалась прямо перед глазами.

— Нет, — сказала Эйра. — Нет, подождите...

Её не слушали. Две гарпии уже подхватили Лилит под руки и почти бегом повели к глайдеру. Лилит обернулась. Их глаза встретились — карие и серые. И в этот миг между ними пролетело всё, что они не сказали друг другу за восемнадцать лет.

— Лилит! — крикнула Эйра и рванулась вперёд. Чьи-то руки удержали её — она не знала чьи. Может, отца. Может, соседа.

— Лилит!

Аппарель закрылась. Двигатель взвыл. Машина поднялась над площадью, и ветер от её антигравитационных стабилизаторов ударил в толпу. Люди заслоняли лица. Дождь смешался с пылью. Гроза накрыла долину.

Эйра вырвалась и побежала — не к глайдеру, нет, тот уже был высоко, — а за околицу, на дорогу, откуда виден весь горизонт.

Под проливным дождём, на дороге, Эйра смотрела, как глайдер уходит к горам. Он становился всё меньше, пока не превратился в точку. Потом точка исчезла в облаках. И только тогда Эйра поняла, что плачет.

— Лилит, — сказала она. — Я с тобой. Я всегда с тобой.

Дождь барабанил по плечам. Ветер выл в проводах. Где-то за спиной, в деревне, скрипел сервоприводами старый дроид-погонщик, укрываясь от грозы под навесом. Мигала лампа на кухне. Проектор на тумбе показывал время. Мир продолжал жить.

А далеко в горах, ближе к пещерам гарпий, другая девушка прижалась лбом к ледяному иллюминатору глайдера и смотрела, как земля уходит вниз. Она не знала, что сестры здесь нет. Знала только одно: там, внизу, на дороге, стоит кто-то, кто её любит. И этого было достаточно.

ГЛАВА 2. УРАГАННЫЕ ГОРЫ

Глайдер шёл над облаками. Лилит сидела у иллюминатора — маленького, забранного желтоватым стеклом, исцарапанным по краям. Она прижималась лбом к стылой поверхности и смотрела вниз, где проплывали воздушные громады, подсвеченные закатом. Солнце садилось где-то за спиной, и облака впереди казались уже не ослепительными, а серыми, тяжёлыми, как намокшая вата.

Все места в десантном отсеке были заняты. Девушки из Триречья сидели на жёстких скамьях вдоль бортов, пристёгнутые ремнями, которые пахли чем-то кислым: не то старым потом, не то машинным маслом. Разговоры смолкли. Остался только низкий, вибрирующий, проходящий сквозь кости гул двигателя; он делал речь почти невозможной. Да и не о чем было говорить: все знали, куда их везут.

Лилит смотрела в иллюминатор и думала.

Она знала об этом мире достаточно, чтобы бояться, и слишком мало, чтобы понимать. В школе Триречья им рассказывали: есть три небесных дома. Сеакри́т — владыка, теократическая империя, живой бог на троне. Его города парят в небе на двигателях А́ско — древних, гениальных, дарованных предками ещё до Великой войны. Пилла́рии — союзники, небесные пираты, грабящие землю с молчаливого согласия Сеакрита. И гарпии — они младшие партнёры, крылатые, живущие в Ураганных горах, самые малочисленные, те, к кому Лилит летела сейчас.

Великая война. Им говорили о ней мало и неохотно. Ядерный конфликт. Дома́, стёртые с лица планеты. Руины, которые до сих пор находят в пустошах. Сеакрит вышел победителем и установил новый порядок. Небесные дома правят. Земные платят дань. Так было всегда, так всегда и будет.

Но мысли Лилит всё время соскальзывали с грандиозного устройства вселенной на что-то маленькое, частное и родное. Эйра.

Она закрыла глаза и попыталась представить лицо сестры. Это оказалось трудно не потому, что она забыла, а потому, что помнила слишком много. Эйра смеётся, запрокинув голову, не стесняясь, во весь голос. Эйра злится и уходит смотреть на горы, и спина у неё прямая, как струна. Эйра заплетает ей волосы перед сном, и пальцы у неё тёплые, осторожные, хотя сама она никогда не была осторожной.

— Ты чего? — спросила Эйра в то утро, когда прилетели гарпии. Лилит стояла у окна и смотрела на небо. — Боишься?

— Нет, — соврала Лилит.

— Я тоже, — соврала Эйра.

Они стояли рядом, плечом к плечу, и смотрели, как на горизонте сгущаются тучи. Лилит хотела сказать что-то важное, но не знала, что именно. «Я вернусь» было бы неправдой. «Я тебя люблю» было бы слишком мало. Она промолчала.

Теперь, в глайдере, Лилит думала о том, что надо было сказать. Надо было обнять. Надо было запомнить каждую чёрточку лица. Надо было...

Она открыла глаза. За иллюминатором облака расступились, и она увидела их.

Ураганные горы. Они вырастали из земли, как клыки исполинского зверя, вгрызшиеся в небо. Чёрные, острые, неестественно высокие. Вершины терялись в облаках — не в тех белых и пушистых, что остались позади, а в других: тёмных, клубящихся, пронизанных вспышками молний. Ветер выл между пиками, и вой этот был слышен даже сквозь гул двигателя.

Глайдер пошёл на снижение. Лилит вжалась в иллюминатор, пытаясь разглядеть город — тот самый, о котором говорили шёпотом даже в Триречье. Город гарпий.

Сначала Лилит не поняла, что видит. Ей показалось, что гора изрыта оспой — сотни тёмных отверстий в отвесной скале, хаотичных, как соты диких пчёл. Но когда глайдер подошёл ближе, она разглядела детали.

Отверстия были не хаотичными. Они складывались в ярусы, соединённые верёвочными мостами и каменными лестницами, вырубленными прямо в скале. Из одних пещер лился тусклый желтоватый свет, другие зияли темнотой — ни проблеска, ни движения. Между ними, цепляясь за выступы и карнизы, лепились пристройки, деревянные балконы, навесы из грубой ткани, платформы, на которых громоздились тёмные силуэты.

Платформы. Лилит моргнула, но зрение не обманывало. На каменных платформах, открытых всем ветрам, темнело что-то — сгорбленные, неподвижные фигуры, закутанные в тряпьё. Люди? Она не могла разглядеть лиц: слишком далеко, слишком темно. Фигуры не двигались. Просто стояли, прикованные к месту невидимыми глазу цепями.

Машина заложила вираж и пошла на посадку. Вход в главный ангар зиял огромным чёрным провалом в скале, подсвеченным по краям мерцающими огнями. По бокам от него, на каменных выступах, сидели они.

Столько гарпий Лилит видела впервые. Они были людьми и не людьми одновременно. Тела как у обычных мужчин и женщин, но за спинами — крылья. Перепончатые, как у летучих мышей, но крупнее, мощнее, с острыми костяными гребнями на сгибах. Одежда тёмная, многослойная, перехваченная ремнями и верёвками. Лица скрыты капюшонами, но даже так Лилит чувствовала их цепкие, оценивающие и холодные взгляды.

Одна из гарпий проводила глайдер взглядом. Когда машина проходила мимо, она расправила крылья — медленно, величественно, будто показывая товар лицом. Перепонки на свету молний отливали багровым. Лилит отшатнулась от иллюминатора.

Глайдер нырнул в темноту ангара. Свет погас, двигатель взвыл в последний раз и смолк.

Безмолвие… Только ветер свистит где-то снаружи, в каменных лабиринтах горы, и шаги: тяжёлые, размеренные, приближающиеся.

Тяжёлая аппарель опустилась вниз. В проёме стояли трое — высокие, крылатые, в многослойных балахонах. Старшая — женщина с лицом, изрезанным шрамами, и с пустыми глазами. Такой взгляд Лилит видела однажды у змеи, которую убил отец.

— Выходить, — сказала гарпия. Голос был низкий, чуть сиплый, но без угрозы. Просто команда.

Девушки отстегнули ремни и начали выбираться из глайдера. Ноги затекли, и первые шаги давались с трудом. Лилит спрыгнула на каменный пол и огляделась.

Внутри ангар оказался гораздо больше, чем снаружи. Высокий свод терялся в темноте, подсвеченный редкими масляными лампадами. Стены грубо вырублены в скале — неровные, в трещинах, по которым стекала вода. Пахло камнем, дымом, пóтом и чем-то ещё — животным и неуловимым.

Вдоль стен стояли другие глайдеры — не такие, как сеакритские, а грубые, собранные словно из запчастей. Дальше, в глубине ангара, начинались переходы и лестницы, уводящие в темноту. Где-то там, в недрах горы, гарпии жили. Там же, видимо, находились и платформы с тёмными силуэтами, которые она видела снаружи.

— В ряд, — скомандовала старшая. — Быстро!

Девушки выстроились, и Лилит оказалась третьей с краю. Смотрела прямо перед собой, как учили, ещё в Триречье, ещё до всего этого. Гарпии не просто надзиратели, это она знала: профессиональные психологи и селекционеры. Им не нужны просто сильные руки. Им нужны послушные души. И они знали, как их делать.

Старшая гарпия медленно двинулась вдоль строя, и шаги гулко отдавались в каменном безмолвии. Лиц она не замечала, смотрела сквозь них — так, будто уже знала, кто сломается

первым, кто будет держаться до последнего, а кто станет любимой игрушкой на ближайшие месяцы.

Лилит опустила глаза. Не из страха — из осторожности. Она уже поняла: здесь нельзя выделяться. Нельзя быть первой. Нельзя быть последней. Надо стать незаметной.

Старшая остановилась напротив одной из девушек — высокой, рыжеволосой, с веснушками на переносице. Лилит не знала её имени. Гарпия взяла её за подбородок и повернула лицо к свету.

— Красивая, — сказала она. Голос был по-прежнему ровным, почти скучающим. — Жаль.

Костлявые пальцы отпустили подбородок, и гарпия пошла дальше. Девушка стояла бледная, губы дрожали, но она не плакала. Пока.

Шаги затихли. Старшая вернулась в начало строя.

— Меня зовут Керра, — сказала она. — Я старшая наставница этого ангара. Вы пробудете здесь год. Может, меньше. Может, больше. Это зависит не от вас. Это зависит от того, насколько быстро вы станете тем, чем должны стать.

Гарпия помолчала.

— Отныне вы — материал. Забудьте свои имена. Забудьте свои дома. Забудьте всё, что было до этого дня. Вас больше нет. Есть только то, что мы из вас сделаем.

Ветер завыл где-то в глубине пещеры, и вой этот был похож на смех.

— Сейчас вас отведут в общую камеру. Там вы увидите тех, кто прибыл раньше. Они здесь уже несколько месяцев. Некоторые — почти год. Смотрите на них внимательно. Это ваше будущее.

Керра кивнула одному из охранников, и тот открыл тяжёлую решётчатую дверь в дальней стене ангара. За ней начинался коридор — узкий, тёмный, уходящий вглубь скалы.

— Вперёд.

Колонна двинулась. Лилит шла в середине, стараясь не отставать и не вырываться вперёд. Коридор тянулся долго, стены сочились влагой, воздух становился всё тяжелее, всё спёртее. В глубине капала вода. Снаружи, над ущельями, скрипели верёвочные мосты под порывами ветра.

Потом коридор расширился, и Лилит увидела их. Общая камера была не комнатой — пещерой. Огромной, с неровными стенами, подсвеченной всего несколькими лампадами. Вдоль стен, на каменных выступах и просто на полу, сидели, лежали, стояли девушки. В рваных серых балахонах, с распущенными волосами, с погасшими лицами.

Но не это пугало сильнее всего: у стен тянулись клетки — те самые, чьи очертания она смутно угадывала снаружи, принимая их за платформы. Теперь Лилит видела их вблизи: небольшие, в человеческий рост, с прутьями из грубого металла, кое-где покрытыми ржавчиной. А главное — она наконец разглядела, кто сидит внутри.

В первой клетке, скорчившись в углу и обхватив колени руками, сидела девушка. Глаза были открыты, но ничего не видели — девушка глядела в никуда. Лилит узнала этот взгляд. Так смотрят животные, когда понимают, что их ведут на убой.

Во второй клетке стояла женщина старше, чем все остальные, с седыми прядями. Она держалась за прутья и смотрела на новоприбывших. В её глазах не было ничего — ни страха, ни надежды, ни боли. Только отсутствие. Такое глубокое, что Лилит стало холодно.

— Это те, кто пытался бежать, — сказал крылатый охранник, заметив её взгляд. — Или второй сорт, просто рабы. Многие из них останутся здесь навсегда. Лучший материал, отмеченные сканером будущие Глейсы, тоже живёт в клетках.

Лилит сглотнула. Она не отвела глаз от женщины в клетке. Та смотрела на неё в ответ и вдруг улыбнулась. Медленно, почти ласково. От этой улыбки было страшнее, чем от крика.

— Располагайтесь, — бросил охранник и захлопнул решётку за спиной.

Девушки из Триречья стояли посреди пещеры, сбившись в кучу, как овцы в загоне. Никто не говорил. Никто не знал, куда идти и что делать.

Лилит огляделась и нашла свободный угол у дальней стены — подальше от клеток, подальше от прохода. Взяла за руку Миру, соседку по улице, — та стояла рядом, бледная, с расширенными от ужаса зрачками, — и потянула за собой.

— Сюда, — сказала она шёпотом. — Садись. Не смотри на них.

Мира послушно села. Лилит устроилась рядом: камень был холодным, но хотя бы сухим, обхватила колени руками и прижалась спиной к стене. Отсюда просматривалась почти вся пещера. Лилит принялась считать: тридцать семь девушек без клеток. Ещё восемь в клетках. Два выхода. Один — тот, через который они вошли. Второй — в дальней стене, закрытый ржавой решёткой, за которой угадывалась лестница вверх.

— Ты как? — спросила она у Миры.

Мира не ответила: она смотрела в пол и мелко дрожала. Лилит взяла её за руку — молча. Рука была ледяной.

— Мы выдержим, — сказала Лилит. Она сама не знала, верит ли в это. Но надо было что-то сказать. — Мы выдержим.

— Конечно, выдержите, — раздался голос из темноты.

Лилит вздрогнула: она не заметила, как к ним подобрались. Девушка года на два старше, коротко стриженная, с тёмными кругами под глазами сидела на корточках у стены в нескольких шагах. Серый балахон висел на ней мешком. На запястьях виднелись синяки.

— Ты кто? — спросила Лилит.

— Такая же, как ты. Просто на три месяца раньше. — Девушка говорила тихо, почти шёпотом, и глаза её постоянно двигались, проверяли, нет ли поблизости гарпий. — Меня зовут Веста. Вы из Триречья?

Лилит кивнула.

— Хорошая партия, — сказала Веста. — Вас много. Это плюс.

— Плюс?

— Меньше шансов, что заметят именно тебя. — Она помедлила. — Слушайте. Я скажу только один раз. Потом уйду, и вы меня не знаете. Поняли?

Лилит снова кивнула.

— Правило первое: не привлекай внимания. Не будь первой. Не будь последней. Не будь самой красивой. Не будь самой умной. Будь незаметной. Поняла?

— Да.

— Правило второе: не дружи. — Веста бросила быстрый взгляд на Миру, которая по-прежнему смотрела в пол. — Твоя подруга... это твоя слабость. Гарпии увидят — они всегда всё замечают — и будут бить по ней, чтобы сломать тебя. Или, наоборот.

— Мы не бросим друг друга, — сказала Лилит.

Веста усмехнулась. Усмешка получилась горькая, как пещерная вода.

— Все так говорят первые три месяца, — Веста поднялась. — Правило третье: когда начнут учить, учись. Быстро. Те, кто не учится, попадают в клетки. Те, кто попадает в клетки, не выходят.

— Чему учить? — спросила Лилит.

— Узнаешь. — Веста уже отходила в темноту. — И последнее: еду не прячь — здесь воруют. Если украдут, не дерись, просто забудь: голод лучше синяков.

Она растворилась в полумраке. Лилит смотрела ей вслед, пытаясь запомнить лицо, фигуру, голос. Первый человек в этом аду, который не пытался её напугать, а дал оружие. Пусть даже оружием были слова.

— Ты слышала? — спросила она Миру.

Мира подняла голову. В глазах стояли слёзы, но голос был спокойным:

— Я не буду твоей слабостью.

— Ты и не была. Ты — моя сила.

— Тогда я буду сильной.

Лилит сжала её руку. Они сидели в темноте, прижавшись друг к другу, и слушали, как ветер воет в каменных лабиринтах. В дальнем углу пещеры плакала девушка. У входа гремела решётка. Сверху, из тёмного провала, доносились хлопки крыльев гарпий — размеренные, тяжёлые, как дыхание огромного зверя.

Лилит закрыла глаза.

«Эйра, — подумала она. — Я не знаю, слышишь ли ты меня. Я не знаю, есть ли что-то, что связывает нас сейчас. Но я буду держаться. Я обещаю. Я буду держаться».

Где-то далеко, далеко-далеко отсюда, в маленьком доме у подножия гор другая девушка сидела у окна и смотрела на затянутое тучами небо. Дождь барабанил по стеклу. Она не знала почему, но сердце болело. Она не знала почему, но ей казалось, что она слышит чей-то голос. Далёкий. Тихий. Родной.

Эйра прижала ладонь к стеклу. Оно было холодным, как камень в пещере, которую она никогда не видела. Но где-то глубоко внутри, там, где нет слов, только чувства, она знала: сестра жива. Держится. Зовёт.

— Я слышу, — прошептала Лилит в темноту. — Я тоже. Держусь.

Ветер подхватил её шёпот и унёс в горы. До пещеры он не долетел. Но на одно короткое мгновение Лилит без всякой причины, без объяснения почувствовала тепло. Будто кто-то взял её за руку. Будто она была не одна.

Она открыла глаза. В пещере ничего не изменилось, но что-то изменилось внутри.

ГЛАВА 3. БЕЛЫЙ СКВЕР

СеА́кра парила в нескольких десятках километров над поверхностью планеты. Отсюда, с такой высоты, земли не было видно — только облака, бесконечные, клубящиеся, подсвеченные солнцем.

Город напоминал гигантский выпуклый диск под стеклянным куполом. На самой вершине этого купола, в окружении Белого сквера, высился Императорский дворец. А над диском города, над всем обитаемым ярусом, висел ещё один диск — в четыре раза больше по площади. Нежилой модуль. Двигатель Аско — антигравитационный источник энергии, который работал сам по себе, удерживал город в небе и не требовал участия человека. Два диска соединялись стальными канатами толщиной в человеческий рост; они расходились от краёв верхнего к периметру нижнего.

Белый сквер был открыт для избранных. Здесь, на вершине жилого купола, гуляли высшие офицеры Императорской полиции, военное командование, члены Синода. Дорожки сквера выстилал белый камень, отполированный до блеска. Вдоль них тянулись мраморные скамьи и колонны, увитые золотой лепниной. В центре росли деревья с белоснежными листьями. Это был генетически изменённый вид, который поглощал энергию напрямую из силового поля купола и не нуждался в солнечном свете.

У фонтана учительница собрала вокруг себя детей аристократов. Мальчики и девочки в светлых одеждах сидели на мраморном бортике, и их голоса — звонкие, перебивающие друг друга — долетали до дальней скамьи.

— ...И каждый город состоит из двух частей, — говорила она. — Кто помнит, из каких?

— Из нижней и верхней! — выкрикнул мальчик лет десяти.

— Правильно. Нижняя — это где мы живём. А верхняя?

Повисла пауза. Кто-то из детей зашуршал одеждой. Потом тонкий девичий голос неуверенно произнёс:

— Там никто не живёт. Оно просто висит.

— Оно? — учительница мягко поправила: — Не «оно», а двигатель Аско. Нежилой модуль. Он вырабатывает энергию.

— А почему он не падает? — спросил тот же мальчик.

— Потому что...

Архитектор Грёз Эйнар появился на дорожке быстрым шагом — настолько быстрым, насколько позволяли его годы. Ему перевалило за шестьдесят. Лицо узкое, с глубокими складками у рта и острыми скулами. Глаза светлые, почти бесцветные, но цепкие, внимательные. Белый мундир IP сидел безупречно, золотые погоны ловили каждый луч. Фиолетовый пояс, такой же, как у Императора, но на полтона темнее, был затянут точно по уставу. Он направлялся к дальней скамье, где под одним из белых деревьев сидел человек в зелёном мундире.

Император превосходил его годами лет на десять, а может, и на все пятнадцать. Широкое лицо с крупным носом и массивным подбородком. Под глазами лежали тени, но взгляд оставался ясным. Мундир цвета императорской четы — глубокого зелёного — обтягивал широкую грудь. Фиолетовый пояс туго охватывал живот. Император читал книгу.

— Ваше величество, — Эйнар остановился в трёх шагах и склонил голову. — Прошу прощения за вторжение.

Император поднял глаза от страницы.

— Ты никогда не извиняешься, Эйнар. Что случилось?

— Собрание офицеров. Через час. В Зале перемен.

Закрытая книга осталась в его руке. Эйнар стоял прямо, но пальцы правой руки едва заметно постукивали по бедру — верный признак волнения.

— Собрание офицеров — не твой профиль, — сказал Император. — Ты отвечаешь за технологию Аско, а не за военные операции.

— Я позволил себе прийти лично, потому что это серьёзно.

Император хмыкнул и указал на скамью напротив:

— Сядь. Рассказывай.

Эйнар опустился на скамью. С соседней площадки, от фонтана, доносился голос учительницы — она продолжала урок:

— ...И эти канаты — кто запомнил, какой они толщины?

— С руку! — крикнул мальчик.

— Толще. С человеческий рост. А длина каждого каната равна...

— Радиусу большого диска! — хором ответили несколько голосов.

— Умницы. А теперь скажите мне: у Пилляриев есть свои ну́волки? Помните, что это такое? Огромные боевые станции, небесные линкоры, похожие на дирижабли, но с жёстким корпусом. Внутри у них двигатель Аско, такой же, как у небесных городов, только меньше. Каждые пять нуволков размером с наш один город. …Что делают военные? Пра-а-авильно, они ругают и наказывают нехорошие народы, живущие на земле. А у пилляриев их сколько?

— Шесть! — отозвался мальчик. — Они больше наших!

— А у гарпий?

— Один. Но он старый.

— Не старый, — поправила учительница. — Построенный по другой технологии. Он не может летать вечно, как наши, и требует подзарядки.

Эйнар дождался паузы и заговорил вполголоса, перекрывая детский гомон:

— Восстание. В зоне ответственности Шестнадцатого города. Фракция Эргóн. Они отказались платить дань. Перебили сборщиков из Корпуса Снабжения.

— Потери?

— Двенадцать человек из Корпуса снабжения. Оранжевые комбинезоны остались лежать на площади.

Помолчав, Император медленно погладил пальцами корешок книги.

— Эргон. У них же ничего нет. Глина, песок и солнце над головой.

— Теперь у них есть оружие. Подозреваем схрон в восточных пустошах. Довоенный бункер. Преступление, достойное визита пары нуволков.

От фонтана снова донёсся голос учительницы:

— ...И запомните главное: земным домам запрещено производить энергию, летательные аппараты, силовые щиты и разумные машины. Это Небесные заповеди. Кто знает, почему они так важны?

— Чтобы не было войны, — сказала девочка.

— Молодец! Чтобы не повторилась Великая война.

— А что было на Великой войне? — спросил мальчик.

— Мы поговорим об этом в следующий раз. А сейчас...

— Нет, сейчас! — заныл кто-то из детей.

Император усмехнулся — едва заметно, уголком рта.

— «Чтобы не было войны», — повторил он. — Хорошо, что дети это запоминают.

— Они запоминают то, что им говорят, ваше величество.

— Как и все мы. — Император помолчал. — Что ж, два небесных линкора — это серьёзно. Командование предлагает полную зачистку? Никаких ультиматумов?

— Да, ваше величество.

— Склады памяти. — Произнёс вдруг правитель.

Эйнар моргнул:

— Склады памяти?

— Как давно вы инспектировали их?

— Ваше величество, у фракций земли нет летательных аппаратов — это физически...

— Проверь.

Учительница тем временем перешла к новой теме:

— ...Глейсы. Кто мне скажет, кто такие Глейсы?

— Небесные жрицы! — первой ответила девочка.

— Верно. Живые тотемы, они напоминают нам, как выглядят Дочери Ветров. Где обучают Глейс?

— В горах. Гарпии.

— А что они носят?

— Ошейники! — выкрикнул мальчик, и дети засмеялись.

— Ошейники — символ принадлежности, — спокойно поправила учительница. — И фиолетовые туники. А что происходит с Глейсами в двадцать один год?

— Их возвращают Земле, — сказала девочка.

— Почему?

Тишина. Дети молчали.

— Потому что таков ритуал, — ответила учительница за них.

Эйнар поднял глаза на Императора. Тот смотрел в сторону фонтана. Его лицо — широкое, с тяжёлыми чертами — не выражало ничего. Но пальцы, державшие книгу, сжались чуть крепче.

— Сколько сейчас Глейс в СеАкре? — спросил он.

— Двести сорок три, ваше величество. На прошлой неделе прибыла новая партия.

Император смотрел вдаль, за купол, за облака.

— Когда их распределят?

— Уже распределены, ваше величество.

Урок у фонтана закончился. Дети вставали, отряхивали светлые одежды. Учительница сворачивала учебные карты. Ветер шевельнул белые листья, и один, сорвавшись, спланировал в воду.

Император встал. Эйнар поднялся следом.

— Ты когда-нибудь думаешь о них? — спросил Император, не оборачиваясь. — О тех, кто внизу?

— Я бываю там чаще вас, ваше величество.

— Я не о том. Ты думаешь о них? О тех, кого забирают? О тех, кто остаётся?

Эйнар молчал. Над городом в небе нависал монструозный Аско — огромный и молчаливый.

— Я думаю о том, как сохранить этот мир, ваше величество, — сказал он наконец, — всех, кто в нём живёт: наверху и внизу.

Император кивнул и пошёл по дорожке к дворцу — спина прямая, плечи развёрнуты. Придворные кланялись. Офицеры отдавали честь. Белый камень дорожки сиял под его шагами. Проходя мимо фонтана, он на мгновение задержал взгляд на юных учениках. Девочка лет семи поймала этот взгляд и неуверенно поклонилась. Император ответил ей лёгким кивком.

— Ваше величество, — окликнул его Эйнар.

Император остановился, но не обернулся.

— Я был на миссии в Триречье, — сказал Эйнар, — вчера.

Император чуть повернул голову — ровно настолько, чтобы видеть край белого мундира.

— Они не участвуют в мятеже. Я видел их. Говорил с ними. Они просто ждали Селекции.

Пауза. Белые листья над головой тихо зашелестели.

— Вы уверены?

— Да, ваше величество.

— Вы говорили с ними лично?

— С двумя. — Эйнар помедлил. — С девушками, которых отправляли на Селекцию.

Император мгновение стоял неподвижно, затем коротко, едва заметно кивнул и пошёл дальше.

Эйнар остался стоять у скамьи, глядя Императору вслед, а перед глазами стояла пыльная дорога у подножия гор. Две девушки. Одна протянула флягу. Другая сказала: «Это мелочи». Он тогда чуть не ответил: «Нет, не мелочи», — но промолчал: не смог бы объяснить, откуда знает.

Угловатая кисть поправила золотой погон. Эйнар одёрнул мундир и пошёл следом — медленнее, чем Император, но в том же направлении. Сквер погрузился в безмолвие.

ГЛАВА 4. БОЙНЯ

Дорога к холму оказалась длинной. Эйра шла одна. Вышла из деревни рано утром, когда туман ещё лежал в низинах, и пробиралась через поля, через перелески, через осыпающиеся овраги, которые в детстве казались им с Лилит огромными ущельями. Теперь это были просто канавы. Но холм остался тем же.

Они называли его Зуб Дракона, потому что он торчал из равнины одиноко, круто, почти вызывающе — как сломанный зуб какого-то древнего зверя, уснувшего под землёй. В детстве они бегали туда каждую неделю. Лилит собирала цветы — те, что росли только на вершине: мелкие, белые, без названия. Эйра забиралась на самый высокий валун, кричала в небо, и эхо возвращало её голос обратно. Они были счастливы там. По-настоящему счастливы.

Теперь она поднималась одна.

Лес на склонах стоял густой, но тропа сохранилась. Корни деревьев выступали из земли, как старые вены. Пахло прелой листвой и чем-то сладким — может, диким мёдом, может, просто летом. Эйра шла неторопливо: ей некуда было торопиться. Дома — пустая комната, пустая кровать Лилит, проектор, показывающий время. Здесь, на холме, — хотя бы ветер.

Вершина. Отсюда было видно всё.

Позади, в долине, лежало Триречье — маленькое и аккуратное, будто игрушечное. Дома, поля, выгон. Старый дроид-погонщик полз по краю пастбища, отсюда не больше муравья. А впереди, за невидимой чертой, начиналась другая земля.

Холм был границей. Здесь проходила черта между домом Триречья и домом Эргон — тем самым, о котором говорили вполголоса даже тут, в глуши. Эргон отказался платить контрибуцию. Он поднял мятеж. И здесь, за холмом, стоял его главный город.

Так высоко она ещё не забиралась. Села на валун и стала смотреть.

Город был значительно больше Триречья — не деревня, а настоящий город, с каменными домами, с площадями, с башней, на которой висел флаг, отсюда серый, неразборчивый. Улицы заполнены людьми. Они двигались, останавливались, заходили в дома и выходили. Обычная жизнь, мерная городская суета. Где-то играли дети, их голоса долетали до вершины приглушёнными, но звонкими, как колокольчики.

Эйра смотрела на них и вспоминала.

Вот так же они с Лилит бегали по улицам Триречья. Лилит всегда отставала — не потому, что была медлительнее, а потому, что останавливалась посмотреть на цветок. Или на жука. Или на облако. Эйра кричала: «Давай быстрее!» — а потом возвращалась. Всегда возвращалась. Потому что идти без сестры было скучно.

Ветер шевельнул волосы. Она моргнула.

Старик внизу, в городе, поднял голову и посмотрел в небо. Эйра проследила его взгляд.

Сначала она не поняла, что видит: белый шлейф от ракеты с нарастающей скоростью вонзился в старый радар местного центра навигации — яркая, дерзкая вспышка. Массивная вышка радара сложилась, словно спичечный домик, подняв клубы дыма; обломки градом посыпались на крыши ближайших домов, и только потом пришёл звук.

Он был не таким, как она ожидала. Не грохот, а низкий, глубокий удар, от которого дрогнула земля под ногами. Ударная волна докатилась до холма через несколько секунд лёгким студёным ветерком, обжёгшим щёки.

Эйра замерла. В городе заревели сирены. Высокий, воющий звук заметался между домами. Потом ещё одна вспышка. И ещё. Ракеты били в землю, в крыши, в мостовые. Каждая — как кулак невидимого бога, бьющего сверху. Сирена захлебнулась. На смену ей пришли крики.

А потом появились они — глайдеры. Заходили со стороны садящегося солнца, едва различимые, но многочисленные: десятки. Зеркально-серебристые корпуса, крылья и бело-фиолетовая окантовка. Снижались стремительно, хищно, как стая птиц, заходящих на добычу. На борту каждого — герб дома Сеакрит: золотое солнце с волнистыми лучами, расходящимися по белоснежному полю, символ, который она знала с детства. Тот самый, что был изображён на плакатах городских ратуш в знак лояльности правящему дому, что был выдавлен на каждой энергоячейке, питавшей всю современную цивилизацию. Дети рисовали его мелом на досках в школе Триречья, и он же украшал обложку учебника, который читала детям учительница в Белом сквере. Теперь это солнце смотрело на неё с бортов боевых машин, заходящих на цель.

Взгляд ушёл выше. Над облаками, закрывая небо, висели два силуэта. Огромные. Тёмные. Неповоротливые. Это были нуволки, сбросившие системы визуальной маскировки. Они не спешили. Им незачем было спешить. Город внизу уже умирал.

Глайдеры вышли на линию огня. Это был не прицельный огонь. Это была мясорубка. Блоки неуправляемых авиационных ракет (НАР) сходили с подвесок и устремлялись вниз. Улицы, по которым только что ходили люди, накрывались веерами ракет, переходившими в огненные реки. Дома складывались внутрь себя, как бумажные. Городская ратуша стала воронкой. С аппарелей, на лету, били бойцы в матовой броне цвета лунного камня. Без лиц. Без спешки. Ополченцы стреляли в ответ. Лучи ложились им в грудь и гасли, не оставив следа.

Дышать не получалось. Из переулков выбегали ополченцы. Мужчины. Старики. Почти мальчишки. Они выскакивали из подворотен, из дверей, из дыма. В руках у них были ржавые лазерные винтовки, видевшие ещё атомную войну, пара пулемётов, помнивших ядерный огонь, и энергомагазины, пролежавшие в земле столетия. Против зеркальных глайдеров это было смешно — как идти с палкой на хищную птицу.

Но они шли. Они пытались стрелять. Лазерные лучи рассекали воздух — бледные, почти невидимые в дыму, — но гасли о силовые поля вестников смерти, как искры о воду. Глайдеры даже не уклонялись. Они раз за разом закладывали боевой разворот.

Несколько подростков выбежали из горящего здания на дальней стороне площади — может быть, школы, может быть, жилого дома. Бросились на площадь — туда, где ещё утром играли, где был фонтан, где мать развешивала бельё. Теперь там зияла воронка. Мальчишки этого не знали.

Глайдер уже развернулся в их сторону. От его крыла отделилась одинокая серая точка. Она росла в воздухе, оставляя после себя тонкий вьющийся белый шлейф, и неумолимо повторяла движения бегущих теней. Ракета ударила точно в цель.

Эйра попятилась назад, ноги подкосились. Развернувшись, она бросилась вниз по склону.

Ветки хлестали по лицу. Корни цеплялись за ноги. Она падала раз, другой — и снова вставала, и бежала. Грохот оставался за спиной, но не уходил. Он вгрызался в землю, в деревья, в воздух. Лес становился гуще, свет мерк, тени сгущались.

Остановилась, только когда лёгкие загорелись. Стояла, согнувшись, уперев руки в колени, пыталась отдышаться. Стало немного тише: далёкий гул, крики, её собственное сердце. Подняла голову и увидела его.

Человек сидел под деревом, привалившись спиной к стволу. Оранжевый прорезиненный комбинезон. Эмблема дома Сеакрит на груди — небесно-белая, единственный чистый элемент на грязной, пропитанной кровью ткани. Лицо бледное, заострённое. Глаза мутные, но ещё живые.

Корпус Снабжения. Вероятно, один из тех, на кого напали повстанцы. Причина, по которой сейчас город равняли с землёй.

Эйра забыла про герб. Видела только кровь, только человека, только то, что он ещё дышит. Колени сами коснулись земли, и она потянулась приподнять его голову.

Окровавленная мужская рука согнулась в локте. Слабо, неуклюже, но осознанно. Ладонь скользнула вниз по её спине и сжала ягодицу — не сильно, не больно, а гадко. Как прикосновение липкой тряпки. Последний рефлекс умирающего самца, который уже ничего не мог, но всё ещё хотел. Хотел напоследок почувствовать живое, тёплое, женское тело. Рядом.

Эйра отдёрнулась. Тело обдало холодом.

— Что вы... — она не договорила.

Снабженец ухмыльнулся. Кровь запеклась в уголках губ. Глаза — тусклые, но злые, цепкие — смотрели на неё с каким-то пьяным презрением.

— Вы все одинаковые, — прохрипел он. — Из Триречья. Я видел вас. Каждые полгода одно и то же. Стоите в ряд, дрожите. А потом...

Он закашлялся. Кровь запузырилась на губах.

— Молчите, — сказала Эйра. — Вам нужна помощь.

— Помощь? — Он сплюнул кровь. — Мне уже не поможешь. А ты... ты знаешь, куда их увозят? Твоих подружек? Всех этих красавиц?

Эйра молчала. Он не знал ни её, ни Лилит, не был на Селекции, говорил про девушек Триречья всех сразу. Может, стоял в оцеплении. Или проходил мимо. А может, просто слышал разговоры.

— В Ураганные горы, — продолжал он. Голос становился тише, но злее. — К гарпиям. Там их... дрессируют. Как грёбаных собак. А потом — в СеАкру. Знаешь, что такое СеАкра?

Эйра знала, но молчала.

— Небесный бордель, — прошептал он. — Глейсы. Красиво звучит, да? А на деле — бесправные, безголосые шлюхи. С ошейниками, как у скотины. Их распределяют между гражданами, и каждый... каждый может делать с ними что хочет. Что. Хочет!

Он снова закашлялся. Грудь вздымалась рывками. Но он продолжал, будто эти слова были единственным, что держало его в сознании.

— Твои подруги... все, кого забрали... они будут обслуживать любого. Любого, кто пожелает. Грязные и использованные. А через три года их выбросят. Как мусор. С неба на землю. И всё, конец.

— Замолчи, — сказала Эйра.

— Вы думаете, вы особенные? — Он ухмыльнулся. — Думаете, вас это не коснётся? Коснётся. Уже коснулось. Просто ты ещё не поняла.

— Замолчи!

Это был уже не крик, а вой. Он вырвался из того места внутри, которое Эйра берегла всё это время. Места, где жила надежда. Где Лилит ещё была жива, просто далеко. Где она могла вернуться. Где всё это было временно.

Снабженец дёрнул головой. Мутные глаза уставились в небо.

— Вы все одинаковые, — повторил он едва слышно. — Все...

И затих.

Эйра стояла на коленях перед мёртвым телом. Руки дрожали. В горле стоял ком. Она смотрела на эмблему Сеакрита у него на груди — единственное чистое пятно на грязном оранжевом — и чувствовала, как что-то внутри ломается. Не сердце, не вера — что-то более глубокое. То, что держало её на ногах все эти дни.

Это не было прозрением. Это было хуже. Это было подтверждением. Она всегда знала, что гарпии забирают девушек не для счастливой жизни. Она всегда чувствовала: за красивыми словами — «священные служанки», «живые иконы» — скрывается что-то тёмное. Но одно дело догадываться. Другое — услышать это от умирающего врага. В грязи, в лесу. Под гул глайдеров, стирающих город с лица земли.

Лилит. Её Лилит. Где она сейчас? В пещере гарпий? В клетке? Или уже в СеАкре, с ошейником на шее?

Эйра закрыла глаза, пытаясь представить лицо сестры, но увидела только кровь на оранжевом комбинезоне.

Внезапно раздался резкий гудок. Эйра подняла голову. Между деревьями, на высоте человеческого роста, висел небольшой серебристый дрон с оптическим сенсором, который вращался из стороны в сторону. Дрон смотрел прямо на неё. Гудок повторился — громче, резче, как сигнал тревоги. Красный огонёк на корпусе мигнул трижды: цель зафиксирована.

Эйра вскочила.

Мгновение дрон висел неподвижно, а потом развернулся и ушёл вверх, сквозь кроны, посылая сигнал. Короткий импульс ушёл в небо. И тишина, которая наступила следом, была страшнее любого звука. Эйра поняла без слов: за ней идут.

Ближайший глайдер — тот, что только что заканчивал боевой разворот над дымящимися руинами, — вдруг замер. Его нос качнулся. Машина отклонилась от курса — медленно, неотвратимо, как хищник, учуявший новую добычу. Крылья резанули воздух. Двигатели взвыли громче.

Он направлялся к холму, к ней.

Эйра побежала прочь. Лицо рвали ветки, но она не чувствовала. Ноги сами несли её вниз по склону — прочь от ещё тёплого тела, прочь от дрона, прочь от того, что приближалось с неба. Она бежала не как человек, а как дикий загнанный зверь, который не думает, не выбирает путь, а просто рвётся вперёд, потому что остановиться — значит умереть.

Глайдер выл где-то позади и выше. Его тень — длинная, стреловидная и неотвратимая — скользила по кронам. Гул двигателей то нарастал, то отступал, когда машина закладывала вираж, но не исчезал.

Машина знала, где она: приоритетная цель на мониторе пилота — преступница, убившая гражданина СеАкры.

Дрон, наверное, всё ещё висел где-то над лесом, передавая координаты. Или глайдер сам вёл её по тепловому следу. Или просто методично прочёсывал лес, как хищник, который знает, что добыча никуда не денется.

Поваленный ствол она перемахнула, не сбавляя шага. Приземлилась неудачно: нога ушла в мокрую яму, колено взорвалось болью. Вскрикнула, но тут же зажала рот ладонью. Не кричать, не дышать, не останавливаться.

Сверху, сквозь кроны, ударил свет.

Импульсные разряды вспороли землю у самых пяток — так близко, что подошвы обдало жаром. Грязь и щепа брызнули в стороны. Эйра вздрогнула всем телом, но не закричала. Закусила губу. Во рту стало солоно.

Она не видела его, только чувствовала тень — огромную, угловатую, перечёркивающую кроны. Ветер от антигравов прижимал траву к земле, поднимал облака хвои и пыли. Глайдер висел так низко, что она слышала не только вой двигателей, но и скрежет металла, будто машина дышала.

Прожектор ударил снова. Мертвенный, холодный луч прошёлся по стволам, высветил паутину ветвей, скользнул по её спине и замер.

Не дыши. Не дыши. Не дыши.

Очередь, вторая. Теперь левее. Вспорола куст, за которым она пряталась мгновение назад. Ветки разлетелись щепой. Глайдер не видел её точно — он бил наугад, проверял, прочёсывал квадраты.

Двигатели взвыли громче, машина разворачивалась для нового захода. Ветер ударил сильнее. Прожектор ушёл в сторону, оставляя после себя темноту, которая казалась ещё гуще, чем прежде. Гул стал тише. Он отдалялся. Заходил на новый круг.

Над головой дрожали ветки. Сквозь просвет в кронах она увидела небо — серое, затянутое дымом, — и тёмный силуэт глайдера, уходящий в сторону холма. Он не ушёл. Он вернётся. Она знала это так же точно, как то, что солнце сядет вечером.

Рывком поднявшись, она побежала снова. Теперь она не разбирала дороги. Ветки рвали лицо — она не уворачивалась. Корни цеплялись за ноги — она падала, поднималась и бежала дальше. Грязь забивалась под ногти, в волосы, в рот. Платье превратилось в лохмотья. Один рукав оторвался напрочь — она не помнила, где и когда. Лес становился всё гуще, всё темнее. Она петляла, как загнанный заяц, резко меняя направление, бросаясь то влево, то вправо, стараясь сбить тепловой след. Ручей. Она пробежала по воде, не чувствуя холода, не зная, помогает ли это. Ей говорили когда-то: вода сбивает запах. Но у глайдера не было носа — только сканеры: тепловые, движения, жизни.

Она и была жизнью. Движением. Она была тёплой.

Склон уходил всё круче. Ноги скользили по мокрой траве. Она уже не бежала — катилась, цепляясь за стволы, оставляя на коре клочья одежды и крови. Где-то мелькнул овраг. Она перемахнула его, не заметив. Грохот за спиной снова нарастал. Глайдер возвращался. Она слышала, как его прожектор с шипением режет воздух где-то позади, слева, ближе. Ещё ближе.

Гул становился тише не сразу, постепенно. Сначала пропал прожектор, потом стих вой двигателей. Потом только ветер шумел в кронах — обычный, вечерний, не прижатый антигравами к земле.

Здесь она остановилась. Грудь ходила ходуном. Ноги дрожали. Прижавшись спиной к дереву, она подняла голову. Небо между кронами пустовало.

Глайдер ушёл? Потерял её? Или просто ждал, зависнув где-то за деревьями? Она умерла?

Она стояла, боясь дышать. Лицо в грязи и крови, волосы сбились в колтун, одежда висела клочьями. В боку кололо так, будто там застрял осколок стекла. Прислушалась. Ничего. Только ветер. Только далёкий гул — но не над ней, а где-то у города: там всё ещё работала артиллерия.

Она сделала шаг, ещё один, оттолкнулась от дерева и пошла. Быстро, но уже не бегом. Лес впереди светлел. Там, за деревьями, светлела прогалина. Луг? Поле? Она не знала. Брела, спотыкаясь, и тишина вокруг становилась всё глубже.

Она вышла на свет. Лес кончился. Перед ней лежала поляна — широкая, залитая закатным солнцем, покрытая высокой недвижимой травой. Ветер стих. И посреди поляны стоял глайдер.

Но он был не сеакритский. Он походил на те машины, что кружили над горящим городом: та же стреловидная форма, те же крылья, те же четыре двигательные гондолы по бокам фюзеляжа. Но сходство было обманчивым. Корпус не зеркальный, а тёмный, матовый, покрытый царапинами и копотью. Вместо бело-фиолетовой окантовки Сеакрита — широкая красная полоса по диагонали через весь фюзеляж, от носа до хвоста. Грубая и кричащая. Как шрам. Как вызов. Дверь аппарели была перетянута потрёпанной шкурой хищного животного с когтями, которые ещё не обломались.

Ноги приросли к земле. Сердце колотилось где-то в горле. Красная полоса. Красная полоса через фюзеляж. Она уже видела такую. Где? Когда? В учебнике? Нет. На картинке, которую показывал отец. Или не показывал. Или... пилла́рии!

Слово всплыло само — обрывок урока: голос учителя, душный класс, весна, Лилит рядом, рисует что-то в тетради. Пилларии — союзники. Союзники Сеакрита? Да. Вечный договор. Шесть нуволков. Красная полоса на корпусе.

Пираты небес — так их называл отец. Не при учителе, дома, за столом, когда думал, что девочки не слышат.

В горле пересохло. Мысли неслись, перебивая друг друга, как голоса в толпе. Красная полоса — это не Сеакрит. Это хуже. Сеакрит — закон, порядок, приказ; пилларии — это дикая

стая. Они не спрашивают. Они берут. Их боятся даже те, кто носит белую броню. Ирокезы, татуировки, хищный взгляд. Отец говорил: у них нет правил. У них есть добыча.

За спиной, в лесу, затихал гул сеакритского глайдера. Того, что шёл за ней. Того, что видел её лицо. Одного из тех, что стёрли с земли целый город.

А здесь, впереди, стоял глайдер пилларіев. Эйра оказалась между ними — между законом, который убивает по приказу, и стаей, которая убивает ради удовольствия. Между двумя хищниками.

И тут на плечо легла тяжесть. Рука — большая, грубая, в кожаной перчатке — стиснула его до боли. Эйра дёрнулась и обернулась.

Он стоял вплотную — высокий, плечи шире, чем она помнила по картинкам. Кожаная куртка в заклёпках. На шее выколота змея, кусающая собственный хвост. Ирокез, выкрашенный в грязно-рыжий. Глаза светлые, почти жёлтые. Это он. И он улыбался. Неторопливо, лениво, как человек, который уже получил то, что хотел.

— Заблудилась? — сказал он.

Эйра рванулась, но рука сжалась крепче. Двое других пилларіев подошли ближе — один с расписанным лицом, другой в тёмных очках. Они переглянулись и усмехнулись.

— Я... — голос Эйры сорвался. — Это территория Триречья. Дом Триречья. Вы не имеете права...

Пилларий с ирокезом склонил голову набок, будто слушая забавную зверушку.

— Сеакрит пришёл за Эргоном, — затараторила она. Слова сыпались сами, без контроля. — Это не наша земля. Мы не мятежники. Мы все платим. Мы под защитой дома гарпий. Триречье — протекторат гарпий. Вы не можете...

Пилларий резко, одним движением дёрнул её за руку. Эйра вскрикнула. Он развернул её к себе, взял за подбородок и заставил поднять голову. Пальцы были жёсткими, как сталь, одного пальца на руке не хватало. Он смотрел на неё сверху вниз, и улыбка всё ещё была на его лице, но теперь в ней появилось что-то другое. Не веселье, а приговор.

— Зайка, — сказал он тихо. — Мы не Сеакрит. Мы — пилларии. Мы не приходим устанавливать власть. Мы не приходим карать. Мы не подписываем договоры с вашими вшивыми домами. — Он помолчал. Жёлтые глаза смотрели прямо в неё. — Мы собираем урожай.

Он отпустил подбородок и взял её за волосы, намотал прядь на кулак — достаточно, чтобы она не могла дёрнуться. И направился к глайдеру. Эйра шла следом, согнувшись, спотыкаясь. Ноги не слушались. Голова гудела.

Двое других пилларіев ждали у аппарели. Тот, что в тёмных очках, посторонился, пропуская их внутрь. Тот, что с татуировками, хмыкнул:

— Хороший улов.

На краю аппарели он остановился, обернулся, посмотрел на лес, из которого только что выбежала Эйра. Сеакритский глайдер всё ещё висел над деревьями — чёрный силуэт на фоне заката.

Пилларий ухмыльнулся.

— Передайте сеакритским, — бросил он своим, — девчонка наша.

И шагнул в темноту глайдера.

Аппарель закрылась с негромким шипением. Двигатели взвыли громче. Глайдер дрогнул и начал подниматься.

На холодном металлическом полу десантного отсека, прижавшись спиной к вибрирующей переборке, сидела Эйра. Пилларий с ирокезом стоял над ней, держась за поручень. Двое других ушли в кабину. Сквозь открытую дверь в пилотский отсек доносились обрывки фраз, потрескивание помех и низкий гул приборов.

Глайдер набирал высоту. Сквозь узкое бронированное окно в борту Эйра видела, как земля уходит вниз. Лес становился пятнистым ковром. Поляна, на которой её схватили, —

крошечным зелёным пятачком. А дальше, за лесом, за холмом, лежал город. Вернее, то, что от него осталось.

Он горел весь, от края до края. Дым поднимался над руинами чёрной стеной — густой, маслянистый, подсвеченный снизу оранжевым заревом пожаров. Улицы угадывались только по провалам между грудами обломков. Крыши, которые она видела с холма — те, что складывались внутрь себя, как бумажные, — теперь просто отсутствовали. Их не было. Ничего не было. Только огонь. Только пепел. Только чёрная земля, которая когда-то была городом.

Эйра смотрела, не в силах отвести глаз. Слёзы текли по грязным щекам, но она не замечала их. Город внизу умер, и она видела всё это от начала до конца.

Из кабины донёсся голос — грубый, с ленцой, но с явной угрозой:

— Почему этот чертолёт ещё толком не взлетел? Поднимай!

Второй голос — суше, резче — огрызнулся:

— Может, тебе ещё чаю принести?

Повисла короткая пауза. Эйра услышала звук — тихий, металлический, безошибочно узнаваемый. Щелчок. Так выходит из ножен хорошо смазанный клинок.

Она повернула голову и сквозь приоткрытую дверь в кабину увидела, как пилларий с ирокезом — тот, что держал её за волосы, — достал тесак. Широкое лезвие, тёмное от старости, с зазубринами у рукояти. Он направил остриё между ног пилоту — не касаясь, но достаточно близко, чтобы тот замер.

— Сейчас сеакритские ударят артиллерией, — сказал он тихо. — Это не просто рейд. Это показательная порка. Города больше нет, дома нет. Через минуту там не будет даже земли, на которой он стоял.

Он чуть повернул тесак.

— И если мы не поднимемся прямо сейчас, нас накроет вместе с ними.

Пилот сглотнул.

— Поднимаю.

Глайдер рванулся вверх. Перегрузка вдавила Эйру в пол. За окном город превратился в оранжевое пятно, потом в точку, потом исчез за пеленой облаков.

А потом небо внизу вспыхнуло.

Она зажмурилась, но свет всё равно пробивался сквозь веки — белый и безжалостный. Слышала, как пилларии в кабине уже спокойно и буднично переговариваются о чём-то. Для них это был просто фон. Обычная работа — союзники делали своё дело.

Глайдер выровнялся. Перегрузка отпустила. За окном снова раскинулась чистая, холодная и равнодушная синева. Земля осталась где-то внизу, под слоем облаков, под слоем пепла.

Эйра осталась в полумраке, с руками, сжатыми в кулаки, и с красной полосой на корпусе, которая теперь была единственным, что она видела перед глазами.

ГЛАВА 5. ПОСЛЕ КАРАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

Солдат сидел на остове того, что когда-то было стеной. Перламутровая броня, словно покрытая лаком, была припорошена пеплом, но тот не держался и осыпался при каждом вдохе. На левом наплечнике значилось выштампованное: «Рядовой 1 класса Рэнник».

Сняв шлем, боец поставил его рядом, на покорёженный кусок арматуры. Лицо молодое, глаза старше. Достал сигарету, сунул в зубы, пошарил по карманам, но зажигалки не нашлось. Тогда наклонился и поднёс кончик сигареты к крохотному клочку ткани — обрывку флага дома Эргон, ещё тлевшему на обломке балки. Ткань шипела, догорая. Сигарета занялась.

Затянувшись, он выдохнул дым в серое небо и безразлично посмотрел вдаль. Впереди, насколько хватало глаз, простиралось ничто: гладкое, плоское, чёрное. Артиллерия поработала на совесть. Неподалёку стояли три глайдера. Аппарели открыты. Редкие солдаты неспешно бродили среди руин: кто-то осматривал остовы зданий, кто-то ворошил пепел носком сапога. Торопиться было некуда — время будто остановилось.

— Схрон найден?

Рэнник не обернулся. Он узнал голос — сержант Номен, командир отделения.

— Ага, — лениво протянул он и кивнул в сторону. Там, метрах в пятидесяти, зияла воронка величиной с дом. Края оплавлены. Земля ещё дымилась. — Артиллерия всё сравняла с горизонтом. Я даже ни разу не выстрелил.

Последние слова прозвучали с лёгким разочарованием.

Номен был чуть старше, с нашивками сержанта на плече, с лицом, будто вырезанным из старого дерева. Сержант хмыкнул, стянул перчатку и тоже полез за сигаретой.

— Артиллерия — боги войны, — заметил он философски.

— Кто же тогда мы?

— Ты — бог попроще.

Номен поставил сапог на тот же остов, на котором сидел Рэнник, и продолжил с явной солдатской издёвкой:

— Успеешь ещё покарать плохих бармалеев. Ярость твоя будет неотвратима.

Уголок рта у Рэнника дёрнулся в усмешке. Он выпустил дым и парировал с наигранным пафосом, выпрямив спину и задрав подбородок:

— Сапог воина-поработителя…

«Ступить на землю может только нога воина-поработителя» — негласный закон Сеакрита, вбиваемый в голову ещё с учебки. Только военные имели право касаться поверхности планеты. Для гражданских спуск вниз был позором. Для воина — привилегией. Так им говорили.

Командир не ответил. Затянулся ещё раз и заговорил снова, уже другим тоном:

— Воины-поработители были не одни. На огонёк завернули пилларии.

— Да? — Рэнник выпустил струю дыма. — Славные ребята. Пришли на бесплатную раздачу печенек?

— Ну да… — подтвердил Номен. — Парни знатно развлеклись. Просили добавки.

Рэнник покачал головой:

— Эх... Лучше пилларии, чем этот сброд из Корпуса Снабжения.

Номен кивнул. Оба знали, о чём речь.

Корпус Снабжения числился низшей кастой Сеакрита: грязные комбинезоны, грязная работа — сбор дани, логистика, конвои. Презирали его все, от офицеров до рядовых, и причина была проста: сборщики ступали на землю не как воины, с оружием и правом карать, а как прислуга. Для жителя небесного города спуск на поверхность без боевой задачи — это позор,

ритуальное унижение; ссылка в Корпус Снабжения — наказание хуже смертного приговора. Те, кто носил оранжевый цвет, знали это. Знали и ненавидели всех остальных.

Вдруг винтовка заговорила. Она лежала у ноги Рэнника — матовая, с мерцающим индикатором на стволе, плазменное оружие с интегрированным ИИ. Индикатор мигнул, и винтовка произнесла слегка искусственным, но с различимой интонацией голосом:

— Корпус Снабжения является членом дома Сеакрит. Каким бы скромным ни было их положение, нападение на них — это нападение на Великий дом.

Владелец даже не повернул головы.

— Знаешь, — сказал он в пространство, — если бы ты кого-нибудь вчера подстрелила так же искусно, как умеешь влезать в разговоры...

— Надо же кому-то делать грязную работу, — откликнулся Номен. — Ты же не хочешь попачкать свой парадный мундирчик?

— Единственное, чего я хочу, — Рэнник затянулся в последний раз и отбросил окурок в пепел, — так это крепкого алкоголя и сочненькую молоденькую Глейсу.

Винтовка снова ожила:

— При вашем звании вы не можете получить во владение Глейсу. Это привилегия только среднего и высшего офицерского состава.

Рэнник закатил глаза. Номен расхохотался — коротко, скупо, по-солдатски.

— Тебе здесь не даст даже стая местных бродячих собак, — сказал он сквозь смех.

— Да пошёл ты.

Оба замолчали, потому что увидели её.

К ним шла лейтенант Императорской полиции Олия.

Выглядела она эффектно даже здесь, среди руин и пепла. Длинные волосы собраны в тугой пучок, широкий фиолетовый пояс, а на нём золотой клинок в роскошно оформленных ножнах. Полевая броня IP — самая лёгкая, с перьевой фактурой, скорее церемониальная, чем боевая. Сразу видно: боевые действия не её фронт работ, она здесь офицер, птица высокого полёта.

Двое быстро одёрнулись. Сапоги щёлкнули по пеплу. Спины выпрямились. Отдали честь.

Агентов IP боялись и уважали все. Они были рукой Императора. Их слово — закон для любого гражданина, включая высших офицеров. Появление агента IP в любом месте означало, что всё происходящее находится под высочайшим контролем.

Олия остановилась. В руке лежал планшет. Она бросила на солдат отстранённый взгляд, будто они были частью пейзажа.

— Развлекаетесь? — голос прозвучал бесстрастно.

Затем она перевела взгляд на планшет и заговорила — отрывисто и деловито:

— Мне нужен полный рапорт об уничтожении целей в городе. А также записи с камер разведывательных дронов.

Солдаты переглянулись. Номен кашлянул. Рэнник снова посмотрел на воронку, где когда-то был город. Где-то там, под слоем пепла и камня, лежали тела. Десятки, может, сотни. А теперь нужно было составить рапорт.

— Будет сделано, — сказал Номен.

Олия кивнула, развернулась и пошла прочь. Белая форма мелькнула среди руин и скрылась за корпусом глайдера.

Рэнник проводил её взглядом. Потом посмотрел на свою винтовку. Индикатор на стволе всё ещё мерцал.

— Вот скажи, — пробормотал он, обращаясь не то к винтовке, не то к Номену, не то к самому себе, — мы боги или разнорабочие с плазменными винтовками?

Винтовка промолчала. Номен не ответил. Рэнник снова достал сигарету, снова наклонился к догорающему флагу и закурил. Дым поднялся в серое небо и растворился без следа.

Где-то далеко, над облаками, горели огни городов Сеакрита. Тех самых, где дети учили урок про наказание нехороших народов.

ГЛАВА 6. В ПЛЕНУ

Сознание возвращалось толчками. Первое, что она почувствовала, — запах: тяжёлый, маслянистый, въевшийся в ноздри. Грязь и машинное масло — смесь, от которой тошнило. Второе — гул. Низкий, пронизывающий, он шёл отовсюду. Двигатели ворочались где-то глубоко внутри. Эйра не могла понять. Третье — боль. Вся правая сторона тела полыхала огнём. Рёбра, плечо, голова.

Под ней было что-то твёрдое и холодное — железная палуба; рёбра ощущали её даже сквозь рваную одежду. Тряска, вибрация, гул.

Эйра открыла глаза. Сперва только темнота, прорезанная редкими полосами тусклого света откуда-то сверху. Полосы ложились на лица — десятки лиц. Люди лежали вокруг, сбившись в кучу, как тряпичные куклы. Некоторые шевелились. Многие — нет.

Стон. Справа, в метре. Женщина лет сорока в одежде, ещё хранившей крой, привычный для горожанок Эргона. Она лежала на боку, поджав ноги к животу; рука вывернута неестественно. Лицо белое, мокрое от пота. Рядом мальчик лет двенадцати. Он сидел на корточках, прижимая к себе чью-то голову — может быть, матери, может быть, сестры, — и смотрел в пустоту.

Эйра попыталась сесть. Рёбра отозвались резкой, колющей болью; чтобы не застонать, она закусила губу. Приподнялась на локте.

Вокруг раскинулся грузовой отсек. Огромный, с неровным потолком, откуда свисали пучки кабелей и вентиляционные трубы. Кое-где сквозь щели в обшивке пробивался свет, и в нём кружилась пыль. Наверху медленно, рвано вращались вентиляторы, бросая на лежащих движущиеся тени. Тени кромсали лица, превращая их в маски.

Сама она оказалась в углу, спиной к стылой стене. В дальнем конце отсека плакал ребёнок. Ближе к двери хрипел мужчина. Гул двигателей глушил отдельные слова, но не мог заглушить общее чувство ужаса, запах страха.

Как она здесь оказалась? Память отдавала лишь обрывки — лес, глайдер, свет прожектора, бег, поляна, красная полоса и руки, схватившие её. Она сглотнула. Во рту стоял вкус золы.

— Где мы? — прошептал кто-то рядом.

— На нуволке, — ответил другой голос, мужской, хриплый. — Пилларии.

Эйра повернула голову. Мужчина, привалившийся к стене в трёх шагах от неё, смотрел в упор. Старше; на лице запеклась кровь. Он дышал тяжело, но ровно.

— Какой нуволк? — спросила она.

— Нуволк «ЭгнОзи», — он поморщился и коснулся рёбер. — Поздравляю… Теперь мы товар.

Эйра хотела спросить ещё, но не успела.

Лязг. Тяжёлый звук металла о металл. В дальнем конце отсека распахнулась дверь, и хлынул резкий, белый, режущий глаза свет. Эйра зажмурилась. Послышались тяжёлые, грубые шаги — несколько пар.

Когда она открыла глаза, внутри уже стояли четверо. Первый — с выбритыми висками и клочковатой бородой. Куртка вся в нашивках: поблёкшие символы, названия кораблей, цифры. Правого рукава не было, и обнажённую руку от плеча до запястья покрывали татуировки: черепа, звёзды, змеи. Второй — молодой, с лицом, изрезанным свежими шрамами. На переносице блестела металлическая пластина, вживлённая прямо в кожу. Пальцы его беспрестанно крутили какой-то мелкий механизм: разбирали и собирали, не глядя, вслепую.

Третьей была коротко стриженная женщина с выбритым затылком. На шее висело ожерелье из крупных желтоватых клыков, сбитых в одну нитку. Она стояла чуть позади, скрестив руки на груди, и смотрела на лежащих так, будто оценивала их на вес. Четвёртый — с сединой

в нечёсаной гриве, глубокие морщины, руки в грубых перчатках. Он опирался на длинный металлический прут — не оружие, скорее кусок арматуры, — и был единственным, кто не смотрел на пленников: взгляд его упирался в пол.

Женщина с ожерельем прошлась вдоль стены, разглядывая людей, как товар на витрине.

— Девок, — сказала она. — Пять штук. Молодые.

Остальные кивнули и начали выбирать.

Первой схватили девушку лет двадцати пяти, лежавшую у входа. Та вскрикнула, когда её рывком подняли на ноги и поволокли к двери; вырвалась было, но её просто швырнули в стену.

Эйра следила, как выбирают вторую. Третью. Четвёртую.

Потом молодой с металлической пластиной остановился напротив неё. Смотрел сверху вниз, не торопясь. Свет падал на лицо, углубляя шрамы; на переносице блеснула пластина. Губы поджались — он оценивал.

— Хорошая, — протянул пилларий. Голос был молодой, но сорванный, словно от долгого крика. — Беру!

Он схватил её за волосы. Что делает, Эйра сообразить не успела: рука сама сжалась в кулак и ударила его по запястью. Отчаянно, грязно, не думая. Удар не вышел — парнишка даже не поморщился, лишь дёрнул её вверх и отвесил тяжёлую звонкую пощёчину. Эйра вскрикнула, но устояла на ногах.

Коридор оказался узким, со стенами из грубого металла, сплошь исцарапанными. Она шла, спотыкаясь о стыки железной палубы. Гул двигателей здесь был громче. Свет сверху, сквозь решётки, ложился полосами, вентиляторы отбрасывали тени. Нож парня бросался в глаза. На поясе, в простых ножнах — клинок, вырезанный из листа металла.

Молодой пилларий не опасался её вовсе: тащил, как тряпку, — словно проделывал это каждый день.

У какой-то двери они остановились. Пилларий отпустил волосы и принялся возиться с засовом. Эйра привалилась к стене, тяжело дыша. Можно было бы попытаться бежать, но куда? Повсюду они. Коридор уходил в обе стороны, и в каждой маячили тени.

Наконец замок провернулся. За дверью открылась тесная каморка. Железная койка под грязной тканью. Света почти не было.

— Заходи, — сказал он.

Она не двинулась.

Не дождавшись, он рванул её за руку и втолкнул внутрь. Эйра упала, боль в рёбрах взорвалась. Крик застрял в горле. Она до крови прикусила губу.

Пилларий закрыл за собой дверь.

Взгляд без злобы, без страсти — так смотрят на вещь, которую собираются использовать. Лицо в полумраке казалось старым, хотя парню едва ли исполнилось двадцать пять. Шрамы, металлическая пластина, пустые глаза.

— Не дёргайся, — сказал он. — Будешь умной, я тебе дам пожить.

Парень шагнул к ней и наклонился. Рука грубо, тяжело легла на плечо. От грязного тела несло потом и табаком. Он прижал Эйру к койке, одной рукой удерживая, другой принялся расстёгивать ремень.

Взгляд Эйры упёрся в его пояс. Нож был прямо перед ней, ничем не закреплённый.

Она не думала. Всё произошло за одно мгновение. Выхватила нож и, пока парень не успел среагировать, ударила вверх — резко, туда, где у мужчин болит сильнее всего. Клинок вошёл в мягкую плоть между ног.

Комнату наполнил не крик, а рёв. Парень отшатнулся, зажимая рану. Кровь хлынула сквозь пальцы. Его качнуло, спина ударилась о стену, и он сполз на пол.

Эйра не оглянулась. Она уже была у двери. Рванула её на себя — и врезалась в грудь другого пиллария.

Широкоплечий, с выбритыми висками, ждал в коридоре. Взгляд его скользнул с неё на того, кто корчился в каморке, и пилларий с расстановкой, почти с уважением хмыкнул:

— А ты шустрая.

Он ударил её — не сильно, но точно, прямо в висок. Свет погас.

Она упала; потом её подняли. Эйра пыталась вырываться, но руки уже не слушались. Её снова волокли по коридору, и перед глазами мелькали только сапоги и капли крови на них. Чьей? Она не знала. Зато во рту стоял собственный вкус — железо, соль.

Её бросили на пол. Где-то в другом отсеке. Слышались голоса. Много голосов. Гул двигателей будто изменился — или она просто перестала его слышать.

Эйра попыталась приподнять голову. Свет резал глаза. Лиц было не разобрать — только силуэты: трое, четверо. Они стояли над ней, переговариваясь.

— Эта, — сказал чей-то голос, глубокий, вязкий, как дёготь, — Гаррека пырнула, суку.

— Жив?

— Жив.

— Но стал на двенадцать сантиметров короче, — усмехнулась женщина. — Отцом он точно больше не станет.

— Молодец… — без одобрения, без злобы, просто констатация.

— На арену её, — сказал кто-то над Эйрой, — пусть там и сдохнет.

— Погоди, — старший поднял руку. Неспешно обошёл Эйру, разглядывая, как товар на рынке, потом присел перед ней на корточки.

Эйра молчала, всматриваясь в морщины, в седину, в невозмутимые глаза. На зверя он не походил — скорее на человека, видевшего слишком много смертей.

— Ты ещё жива только потому, что твои выкрутасы показались мне забавными. Запомни. Мы всегда берём то, что нам нужно, — сказал он, — и то, что нам нравится. Мы не боги, мы не говорим про священный долг и небесные заповеди — мы просто берём. Это честно, м-м-м?

Эйра не отвечала. В его глазах не было издёвки: он говорил правду. Ту, в которую верил.

— Сеакрит, — продолжал старший, — говорит, что они приносят мир, а мы не говорим — мы просто гасим свет, и всё.

Он выпрямился и обвёл взглядом своих. Эйра не отрывала глаз от его лица. Слова оседали в голове тяжёлыми камнями. Она ненавидела его. Ненавидела всех их. Но он говорил правду. Грязную, циничную правду.

— Она ударила Гаррека ножом в яйца, — сказал старший. — У Гаррека были яйца, теперь они у неё. — Он помолчал. — Да, арена... Пусть там всех развлекает.

Старший повернулся и ушёл. Остальные переглянулись. Широкоплечий пожал плечами.

— Встала! — рявкнул он Эйре. — Сама — или я тебя за ноздри подниму?

Эйра заставила себя подняться. Рёбра ныли, голова кружилась, но она встала и теперь стояла перед ними, шатаясь, но не падая.

Широкоплечий оглядел её.

— Дорн, — бросил он коротко. — На арене выживают те, кто быстрее и злее.

Дорн толкнул её в плечо, заставляя идти. Эйра шла, не зная куда. Но внутри, где-то глубоко, она поняла.

Пилларии были не лучше Сеакрита. Но они не притворялись: не носили белые мундиры, не говорили о божественном праве. Они собирали урожай. И в этом была их сила.

Память подбросила плакат, висевший на площади её деревни: белая эмблема и надпись: «Дом Сеакрит — свет, озаряющий тьму. Мы протягиваем руку всем, кто ищет защиты. Мы даруем земным домам мир, процветание и надежду. Наша энергетическая программа — залог вашего будущего. Вместе — к звёздам».

Сеакрит она ненавидела; пилляриев — чуть меньше: не потому, что те лучше, а потому, что уже сами назвали себя мразями — за неё.

Дорн толкнул тяжёлую решётку. За ней открылся другой отсек — тёмный, пропахший кровью и потом. Эйра шагнула внутрь. Решётка лязгнула за спиной.

Дорн заговорил безучастно, почти скучая:

— Если хочешь жить — учись резать глотки. Убивать так, чтобы мурашки по коже…

Пилларий ушёл. Эйра осталась одна в темноте. Спина нашла шершавую стену, и тело тяжело сползло на пол. Рёбра болели. Голова гудела. Но в груди горел огонь.

Простить их она не могла. Принять — тоже. Но поняла: здесь, в этом аду, действовали другие правила — слабые умирали. Но умирать она не хотела.

Эйра закрыла глаза; гул двигателей убаюкивал. Где-то вдалеке снова лязгнула решётка.

— Я выживу, — выдавила она дрожащим голосом. И это был не вопрос — это была клятва.

ГЛАВА 7. РЕМЕСЛО ГАРПИЙ

Их разместили в подвесных клетках. Каменный колодец уходил вверх и вниз без видимого предела, и в нём, покачиваясь на цепях, висели плетёные из стальных прутьев сферы — по одной на каждую девушку. Клетка Лилит была третьей от края. Внутри — только тюфяк из прессованного мха и тонкое одеяло. Пол — решётка, сквозь которую видна бездна. Засыпая, Лилит видела под собой клетки других девушек, уходящие в туманную глубину, а над собой — такие же сферы, взмывающие к невидимому своду. Цепи приглушённо звенели, когда кто-то ворочался. Ветер гулял по колодцу, раскачивая клетки, и в этом ритме было что-то одновременно усыпляющее и жуткое.

На третий день их повели на клеймение. Мирейн принимала каждую в маленьком каменном отсеке без окон. «Руку. Левую», — и Лилит протянула запястье. Инструмент, похожий на пистолет с лазерным прицелом, прижался к коже, и раскалённая игла выжгла знаки: Л-10-7. Запах палёной плоти. Острая, мгновенная, но терпимая боль. Лилит не закричала.

Мирейн повернула её голову за подбородок и повторила процедуру на шее — ниже уха, где кожа тоньше, а боль злее. «Штрих-код дублируется по протоколу безопасности. Если решишь отрубить себе руку. Прецеденты были — идентификация сохранится». Вечером, в подвесной клетке, Лилит разглядывала на запястье красный опухший ожог и мысленно шептала: «Я не номер, Эйра. Я — Лилит. А ты — Эйра. И этого они выжечь не смогут».

Уроки распределили между наставниками, как этапы обработки на конвейере. Керра вела строевую муштру и общий надзор. Мирейн взяла на себя боль: коррекцию фигур, выжигание волосяных фолликулов везде, кроме головы (волосы больше никогда не росли), новые керамические зубы. Саэль преподавала ритуалы и этикет в маленькой каменной нише, украшенной гобеленом с символами Синода. Керон читал курс об устройстве жилища в небесном городе, и его уроки были самыми долгими. Он вставал слишком близко, дыхание касалось щеки; уродливые обрубки крыльев расправлял, заставляя смотреть. «Вы — моё главное дело», — говорил он, и Лилит научилась не встречаться с ним глазами.

В конце четвёртого месяца их повели в сердце горы — туда, куда раньше не водили.

Керра шла впереди, и её шаги не издавали ни звука. Коридор расширился, и Лилит увидела их.

Каменные статуи выстроились вдоль стен и уходили во тьму, насколько хватало глаз, — Глейсы, бывшие. Все в натуральный рост, высеченные из тёмного, почти чёрного камня с вкраплениями слюды. Их лица были прекрасны и одинаковы, словно всех ваяли по одному образцу. Длинные одежды, венки на головах, сложенные в ритуальном жесте руки — но глаза пустые. Каменные бельма смотрели в никуда.

— Это те, кто служил до вас, — произнесла Керра бесстрастно. — Самые достойные. Их сны питали небеса, их лица помнит Синод.

Лилит вглядывалась в каменные черты. Сколько их? Сотни, тысячи — и галерея, вырубленная в теле горы, не кончалась. Иные статуи потрескались от времени, у одной недоставало руки.

Керон, плетущийся позади, почти нежно коснулся обрубком крыла одной из статуй, протянул руку и задержал пальцы на каменной щеке, что-то прошептал, не разжимая губ. Лицо его стало странно задумчивым. Лилит уловила это краем глаза и занесла в свою коллекцию наблюдений.

«Ты будешь стоять здесь, если сломаешься, — сказала себе Лилит. — Каменное тело, пустые глаза, вечная служба. Нет, Эйра, я не останусь здесь камнем».

К исходу шестого месяца их начали готовить к «очищению».

Началось с осмотров. Каждую девушку Мирейн осматривала поодиночке, в маленькой келье перед основным медицинским отсеком: измеряла температуру, брала кровь из вены тонкой стеклянной иглой, заносила данные в планшет и ни слова сверх необходимого. Но в день самого «очищения» инструменты на лотке лежали иначе: их стало больше, и выглядели они по-другому — не для осмотра.

Отсек очищения располагался глубоко в скале, дальше даже, чем галерея статуй. Сюда не долетал ветер. Воздух стоял спёртый, пропитанный антисептиком и чем-то металлическим, чему Лилит не находила названия. Стены здесь были гладкими, почти зеркальными — камень, отполированный до стеклянного блеска. Холодный, белый до синевы свет лился из панелей на потолке. Он не давал теней и не прятал предметов.

Вдоль стены, у самого входа, стояли три пустые каталки. На ближней ещё лежала смятая, с бурым пятном у края, свёрнутая простыня. Чья она, Лилит не знала. Но Миру — ту самую, что прижималась к ней в первую ночь и обещала быть сильной, — увели на осмотр позавчера. И больше её никто не видел.

— Раздевайся. Ложись.

Голос Мирейн звучал так же, как всегда, безучастно, без интонации: инструкция, а не приказ. Мирейн стояла у стола, перебирая инструменты длинными пальцами, унизанными кольцами-когтями. Сегодня колец было больше — на каждой фаланге, до самых костяшек.

Лилит сняла серую тунику, аккуратно сложила на указанный стул. Воздух пробежал по коже ледяным прикосновением. Она легла на каменный стол, и холод проник сквозь лопатки, сквозь позвоночник, сквозь тазовые кости — внутрь, туда, где до сих пор жило то, что она считала собой.

Потолок пестрел трещинами. Лилит знала их наперечёт — выучила за время осмотров: три крупные, расходящиеся из одного центра, как русло пересохшей реки; семь мелких, едва заметных; одна, самая глубокая, в форме буквы «Э».

«Эйра. Я здесь. Ты держишь меня за руку. Твоя ладонь тёплая. Ты сжимаешь мои пальцы — и тот, где штрих-код. Я чувствую. Пожалуйста, будь здесь. Не отпускай».

— Это очищение, — голос Мирейн доносился откуда-то из-за головы. — Сегодня ты перестанешь быть женщиной, способной дать жизнь, и станешь образом Дочери Ветров. Глейса не может иметь детей. Дети — грех для Дочери Ветров, они плод земли. Твой удел — вечность.

Холодный гель коснулся живота — Мирейн наносила разметку для процедуры. Лилит вздрогнула, но заставила тело замереть. Где-то глубоко в сознании мелькнула мысль: вот оно, вот что значит «материал» — не просто слово, не просто метафора, а сырьё, из которого удаляют ненужные функции.

— Всё пройдёт быстро: ты почувствуешь лёгкое давление, затем короткую боль. Она пройдёт, чистота останется.

Сканер зажужжал над телом. Не касаясь кожи, он скользил вдоль нанесённых линий. Лилит ощущала тепло — странное, глубинное, проходящее сквозь кожу и мышцы, добирающееся до того, что было скрыто внутри. Давление — именно такое, как обещала Мирейн. Она считала трещины: раз, два, три — русло реки; четыре, пять, шесть — мелкие; семь — буква «Э».

За давлением изнутри пришла боль: острая, глубокая и неправильная.

Крик так и не вырвался. Лилит вцепилась в невидимую руку Эйры с такой силой, что настоящие пальцы, лежавшие на холодном камне, побелели. Взгляд не отрывался от трещины в форме «Э». Вдох. Выдох. Вдох.

А потом случилась вспышка. Это была не галлюцинация, не сон, не бред, рождённый болью, — во всяком случае, не совсем. Позже, много позже, она узнает слово для этого образа: яркий, резкий, ворвавшийся в мозг, как осколок стекла, пронзивший тишину.

Эйра — грязная, в крови, с клеймом на лице: свежий ожог, ещё багровый, ещё сочащийся. Волосы спутаны, прилипли ко лбу. Под ногами жёлтый, крупный, с пятнами бурого песок, и Эйра дерётся. Кулаки сбиты; из рассечённой брови течёт кровь, заливает глаз, но он остаётся открытым. Вокруг лишь стены, тени, рёв толпы, сливающийся в один нечеловеческий гул. Кто-то швыряет ей под ноги камень. Эйра уворачивается. Губы разбиты, но шевелятся: она что-то кричит, но звука нет. Лилит не слышит слов, но знает: это боевой клич.

Она живая. Живая! Дерётся, не сдаётся. Видение длилось секунду, может быть, две — и пропало. Свет снова стал просто светом, потолок — просто потолком, трещина — просто трещиной в камне.

В ушах стоял гул. Тело казалось чужим, опорожнённым, как выпотрошенная рыба. Внутри саднило. Не там, где касался сканер, а глубже, под рёбрами, в том месте, где раньше жила надежда на будущее, которое не наступит. Мирейн что-то говорила — Лилит видела, как шевелятся её губы, но слов не разбирала: кажется, инструкции по уходу, кажется, когда можно будет встать.

Лилит лежала и смотрела в потолок.

«Это не сон. Сны не пахнут песком. Сны не оставляют вкус крови во рту». Рассудок подсказал выход: галлюцинация, бред. Мозг, спасающийся от боли, нарисовал картинку — единственное, ради чего стоило жить. Это ложь, но ложь полезная. А внутри, глубоко под брешью, которую оставила процедура, беззвучно росло что-то другое: не пустота, не смирение — ярость. Не на гарпий (они просто инструменты, такие же мёртвые внутри, как их каменные статуи), а на само мироздание, на несправедливость, вписанную в устройство вещей, на то, что сёстры разлучены, на то, что одна дерётся в песке, а вторая лежит на каменном столе и теряет часть себя.

Когда Лилит наконец смогла сесть, голова закружилась. Мирейн без слова, без лишнего жеста протянула тунику. Одевшись, Лилит побрела к выходу, придерживаясь за стену; ладонь скользила по полированному камню, не находя опоры.

У двери Мирейн окликнула её:

— Следующая процедура через неделю. Контрольное сканирование. Без опозданий.

Лилит кивнула, вышла в коридор, прислонилась спиной к холодной, грубой стене — не такой, как в медицинском отсеке, а живой, неровной, с выбоинами и острыми краями. Закрыла глаза.

***

Прошла неделя после «Очищения». Каждый вечер, когда девушек запирали в подвесных клетках, Лилит смотрела сквозь решётку пола вниз — на клетку Миры двумя ярусами ниже. Сегодня оттуда убрали даже тюфяк. Дверца стояла распахнутой и поскрипывала на ветру.

Лилит поднялась и ударила ногой по прутьям. Ещё раз. И ещё — пяткой. Клетка дёрнулась. Тогда она бросилась всем телом на противоположную стенку, обратно, снова и снова, пока сфера не пошла широкой дугой над пустотой. Цепь взвизгнула в креплении. Клетка с лязгом врезалась в соседнюю, и звон покатился по колодцу вверх и вниз. Лилит пинала решётку, пока на пальцах ног не лопнула кожа. Вцеплялась в прутья и трясла их, упираясь коленом. Под рёбрами, там, где неделю назад прошёл сканер, рвануло болью — будто внутри что-то оторвалось. Она не остановилась.

— Глейса! Я бездушная Глейса! — Голос треснул и ушёл в хрип. — Мира… Вы убили её! Слышите?! Убили! — Она ударилась лбом о прутья. — Я не предмет…

Зубы начали рвать тонкий плед. Клочья старой ткани летели сквозь прутья и медленно, по-птичьи, кружились вниз.

Лилит била себя кулаками по бёдрам, по животу — туда, где теперь было пусто. «Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу это послушное тело! Мира плакала, Мира боялась, а я лежала тихо, как хорошая вещь, и считала трещины. И выжила. Хорошие вещи не ломаются. Сломайся!!!»

Над головой застонала цепь, и Лилит повисла на прутьях всем весом. «Пусть оборвётся. Пусть!»

Но цепь выдержала. Ни одна из сотен клеток не отозвалась. Внизу и вверху девушки лежали, отвернувшись к прутьям, и не шевелились. Лилит сползла на решётку, прижалась лбом к холодному металлу. С разбитых пальцев капало в туман, и капли пропадали, ни до чего не долетая. Клетка раскачивалась всё медленнее, всё тише — пока не замерла.

***

Финальный смотр проходил в центральном зале, там же, где всё начиналось. Обнажённые девушки стояли в ряд: одинаковые волны длинных волос, золотые венки, ошейники — куклы.

Все четверо наставников обходили строй: Саэль улыбалась, Мирейн оценивала, Керон задержался перед Лилит, и она чувствовала его взгляд, а Керра, не глядя, отодвинула его плечом.

Керра остановилась напротив.

— Ты готова. Ты — лучший продукт этой группы, Л-10-7. Глейса. Я довольна результатом.

Л-10-7 опустилась на колени, поцеловала костлявую руку. Керра замерла на лишнюю секунду, потом отдёрнула пальцы. «Ты довольна, — подумала Л-10-7, не поднимая глаз. — Ты видишь идеальный образец». И где-то глубоко внутри, в том тайном убежище, куда не добрался ни один урок, ни одна беседа, ни одна процедура, добавила: «Но это не он — это я. Лилит».

На краю пещеры-ангара ветер трепал волосы. Снова облака под ногами, снова бездна. Из тумана на посадочную площадку неспешно заходил белоснежный глайдер Синода. Внутри под охраной лежали контейнеры с энергоячейками — плата по соглашению, ровно столько, сколько указано.

ГЛАВА 8. ДОКЛАД

Кабинет Императора был лишён окон: только стены из цельного базальта — чёрного, с редкими прожилками серебра, добытого в копях Хассана, — и единственный источник света: холодное сияние тридцати голограмм, медленно плывущих под сводчатым потолком.

В центре зала, на массивной платформе из чёрного дерева, покоился шар. Матовое безмолвное стекло диаметром в два человеческих роста парило в магнитном поле. Его держали девять фигур, искусно выделанных из белого камня с серыми прожилками, — Глейсы. Каждая на коленях, с вытянутыми вверх руками. Их ладони замирали в нескольких сантиметрах от поверхности шара, не касаясь его. Застывшие в вечном усилии удержать макет планеты.

Император стоял перед шаром. Его отражение — искажённое, размытое, будто призрак, — дробилось в матовой поверхности. Рука неторопливо вращала глобус, и мимо проплывали голограммы городов: парящий над пустыней Зик-Ка́р, мрачный Кирд, красавец Актарио́н. Двадцать девять огней.

Пальцы замерли на стекле. Холод — всегда холод.

— Войдите.

Эола возникла бесшумно. Тень, отделившаяся от другой тени. Безупречная форма IP без единой складки; движения точны, как у хирургического инструмента. Она остановилась ровно на предписанной протоколом дистанции и склонилась в церемониальном поклоне — не глубже и не быстрее, чем требовал этикет.

Император не обернулся.

— Садитесь.

Эола опустилась на край дивана у стены, ладони легли на колени. Она оглядывалась — не рассматривала кабинет, хотя бывала здесь лишь в третий раз за десять лет службы в должности директора IP. Её ровный, без напряжения взгляд был устремлён на Императора.

— Докладывайте.

— Карательная операция завершена, ваше величество. Город Эргон пал. Сопротивление подавлено. Потери противника...

Она выдержала короткую паузу — не для эффекта, а потому что цифра того требовала.

— Шестьдесят тысяч четыреста пятьдесят один человек.

Император медленно повернулся.

Цифра кольнула не сразу. Сначала он просто принял её — очередная сводка, очередной город, очередной урок непокорным. Но что-то в ней зацепилось за край сознания, как заусенец за шёлк. Шестьдесят тысяч четыреста пятьдесят один. Он знал другую цифру. Похожую. Почти такую же. Оттуда. Из прошлого.

— Шестьдесят тысяч четыреста пятьдесят один, — тихо повторил Император.

— Император абсолютно прав, как и всегда. — Её голос звучал размеренно — ни лести, ни подобострастия: констатация факта, как «так точно», как «цель поражена».

Пауза вышла долгой, тяжёлой. Шестьдесят тысяч четыреста пятьдесят шесть. А там было шестьдесят тысяч пятьсот шестьдесят девять. Разница — сто тринадцать жизней. Почти совпало — почти. Под сводами кабинета слышалось только едва уловимое гудение магнитной подушки.

Взгляд ушёл от Эолы к глобусу, к голограммам городов. Двадцать девять, а должно быть тридцать.

— Термоядерное оружие? — спросил он, всё ещё глядя на шар.

— Не применялось. Только высокомощные плазменные заряды. Фон в норме, заражения местности нет.

— Выжившие есть?

— Около двухсот человек рассредоточились в горных тоннелях. Пилларии блокировали выходы.

— Их судьба? — вопрос прозвучал почти рассеянно. Но Эола не различала интонаций — она докладывала.

— Пилларии были лично заинтересованы, чтобы никто не ушёл.

— Хорошо.

Император прошёл вдоль глобуса. Тень упала на белую фигуру ближайшей Глейсы. Каменное лицо было пустым, глаза закрыты. Шестьдесят тысяч четыреста пятьдесят один. И шестьдесят тысяч пятьсот шестьдесят девять. Две цифры, два города: один наказан за мятеж, другой...

Остановился. Пальцы легли на матовую поверхность глобуса, гася медленное вращение. Голограммы городов замерли. Взгляд сам собой нашёл пустоту между огнями — то место, где когда-то горел тридцатый.

— Новые нейтральные территории, — сказал он; голос прозвучал глухо. — Ваши предложения.

— Передать под контроль дому Зик-Кар. Они располагают ресурсами для освоения сектора, лояльность гарантирована. Доклады разведки прилагаются.

— Принимается.

И снова тишина — такая плотная, что, казалось, её можно коснуться. Магнитная подушка гудела ровно, без перебоев, голограммы отбрасывали на базальтовые стены дрожащие синие отсветы.

Эола ждала, не задавая вопросов.

— Его величество что-то беспокоит, — произнесла она: не вопрос, не догадка, но констатация факта, как цифра в сводке.

Император замер. Он стоял спиной к ней, но поза изменилась на долю градуса. Плечи напряглись; пальцы на шаре чуть сжались.

— Шестьдесят тысяч четыреста пятьдесят один, — сказал он в пустоту. — Почти как тогда.

Эола молчала. Она не спросила: «Как когда?» — она ждала. Инструмент не переспрашивает — инструмент обрабатывает информацию.

— Але́зис, — произнёс Император.

Слово упало в тишину, как камень в глубокий колодец: без всплеска, только эхо внутри. Он не хотел произносить его — оно вырвалось само, потому что цифры совпали, почти совпали, и пустота на глобусе вдруг стала невыносимо заметной.

Император протянул руку к ближайшей Глейсе — пальцы нащупали в её вытянутой ладони маленький цилиндр: стандартную энергоячейку. Он вынул её, и тотчас гудение оборвалось, магнитная подушка отключилась. Стекло обрушилось на каменные плечи девяти фигур; глухой, мощный удар сотряс платформу. Камень выдержал. Голограммы на глобусе погасли, кабинет погрузился во тьму. Лишь слабый аварийный свет по контуру пола обозначал границы зала.

В темноте фигуры Глейс казались живыми: девять каменных женщин держали на плечах мёртвый шар.

— Продолжай, — сказал Император; голос его не дрогнул.

Эола не шелохнулась — сидела в той же позе: спина прямая, ладони на коленях; только теперь её лица не было видно.

— Алезис, — начала она, — тридцатый небесный город, уничтожен падением на землю. Причина: ошибка гарпии Гелуи из города Аш-геа́л. Она прониклась чувством жалости к одной из Глейс — операция очищения не была произведена.

В темноте было слышно только медленное, глубокое дыхание правителя.

— Алезис принял её в составе партии Глейс, номер H-54-829.

— Переход, — слово вырвалось прежде, чем он успел его остановить: не вопрос, не приказ — судорога памяти. Он сжал энергоячейку в кулаке.

— Император абсолютно прав, как и всегда, — голос Эолы звучал так же размеренно, как минуту назад, как десять минут назад. — На Алезисе в новой Глейсе... один из жителей... образ Небесной Дочери забеременел. Реакция на плод произошла менее чем за четыре часа.

Двадцать одна секунда. Пальцы разжались осознанно. Энергоячейка осталась лежать на ладони.

— Эола.

— Да, ваше величество.

Он помедлил не потому, что не знал, что сказать, а потому, что знал слишком хорошо.

— Стоит продолжать?

Эола не ответила сразу — ровно на секунду дольше, чем обычно. Но когда она заговорила, её голос был всё тем же размеренным, точным, лишённым сомнений.

— Да, продолжай.

— Город встретил землю в районе Моря Штормов. Выживших — ноль.

— Ноль — в этом слове было всё. Император стоял в темноте, сжимая в ладони энергоячейку, и смотрел на каменных Глейс, державших мёртвый шар. Он знал правду, знал то, чего не знало большинство: причину, подлинную судьбу Алезиса. И всё равно спросил, потому что должен был услышать её версию: ту, что записана в протоколах, ту, которую знает мир.

— Это совершенно точно, — ответила Эола: не утешение, не заверение — констатация. — Погибли все — шестьдесят тысяч пятьсот шестьдесят девять человек.

Вот она, та самая цифра, и шестьдесят тысяч четыреста пятьдесят один — в Эргоне: разница — сто тринадцать. Почти одно и то же — почти.

Он выдохнул долго и беззвучно. Никто не услышал.

— Далее, — продолжила Эола, — остовы города были аннигилированы силами IP при поддержке регулярной армии тремя термоядерными зарядами. Во избежание получения запретных технологий домами земли.

— Гарпии, — сказал он.

— Наказаны пропорционально своей вине: виновный город гарпий стёрт вместе с горным хребтом. Жители вне города ликвидированы специальными подразделениями IP; архивы могут быть переданы вам по первому требованию. Инцидент исчерпан.

— В архивных записях всего лишь «инцидент», — прошептал Император, глядя на шар: мёртвое стекло на плечах каменных рабынь.

— Ваше величество, — Эола впервые за весь доклад изменила позу, чуть повернула голову — на долю градуса. — Протоколы по Алезису закрыты и опечатаны, доступ имеет строго ограниченный круг лиц.

Император кивнул — в темноте этого жеста было не разглядеть. Но Эола ждала; он знал, что она ждёт, и знал, что она видит даже во тьме: она его тень, его правая рука, его живая энциклопедия.

— Вы свободны, — сказал он.

Эола поднялась с дивана — бесшумно, одним слитным движением. Церемониальный поклон — ровно такой, как предписано: ни глубже, ни быстрее.

Начальник IP не спросила, почему он выключил глобус, не уточнила, почему спросил об Алезисе, не поинтересовалась, почему сказал «почти как тогда» таким голосом, будто слова жгли ему горло.

Тень, вернувшаяся к другим теням. Дверь закрылась за ней с тихим, почти неслышным щелчком.

Император остался один. Долго стоял неподвижно в темноте. Потом протянул руку, нашарил в воздухе вытянутую ладонь каменной Глейсы — пальцы наткнулись на холодный камень.

Энергоячейка всё ещё лежала в ладони правителя — стандартный источник энергии, что питал магнитную подушку, тот, что держал шар в воздухе. Правитель сжал ячейку в руке, развернулся и направился к выходу; шар остался лежать на плечах Глейс.

ГЛАВА 9. ЖАРЕНОЕ МЯСО

Арена встретила её привычным гулом. Трибуны дышали, топали, свистели; пилларии делали ставки, размахивали руками, стучали кружками по металлическим перилам. Резкий, искусственный свет бил сверху.

Эйра отряхивала песок с плеча. Это был её двадцать второй бой. Противник — мужчина крупнее неё раза в полтора, из бывших наёмников. Она видела его раньше: он тренировался в дальнем конце яруса, работал с цепью — тяжёлый, неповоротливый, опасный на одном рывке. Тренер что-то говорил ей перед боем, но Эйра не слушала: всё нужное она уже знала.

Удар в гонг.

Первые секунды — самые важные. Она не пошла в атаку, ушла вбок, заставила его повернуться, потерять инерцию. Цепь свистнула над головой. Эйра пригнулась — стальные звенья прошли в пальце от волос. Трибуны ахнули, а она уже была с другой стороны.

Бой давался тяжело. Цепь достала её по рёбрам раз, другой, и теперь каждый вдох отдавал болью. Но она видела, как он устаёт, как тяжелеют его движения, как он всё чаще опускает левую руку, открывая бок.

Наконец она дождалась — и клинок вошёл под рёбра. Боец с цепью захрипел, дёрнулся, попытался достать её цепью в последнем рывке, но рука уже не слушалась. Она провернула окровавленную сталь и отступила на шаг. Массивное тело рухнуло на песок. Густая, тёмная кровь пошла сразу, впитываясь в белизну песка.

Трибуны взревели, когда Эйра, тяжело дыша, поставила ботинок на грудь проигравшего. Боль в рёбрах пульсировала; песок набился в рот, в глаза, в ссадины на локтях. С высоты она услышала своё имя — имя победителя. Эйра смотрела, как кровь противника растекается у её ног, но чувствовала только усталость и голод.

Кто-то из пилляриев оторвал кусок накидки и бросил на песок. Эйра вытерла им лицо. Песок остался в бровях, в волосах. Ноги ныли, но кости остались целы.

— Двадцать две, — сказал загонщик. — Без поражений. Ты понимаешь, что это значит?

— Что я ещё жива.

— На тебя обратят внимание.

Она не ответила — растирала плечо, разминала кисть. Есть хотелось так, что сводило живот. Двадцать два боя, двадцать две смерти. Она не считала их по именам — имена забывались быстрее, чем лица. Но каждая оставалась где-то внутри, как зарубка на кости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.